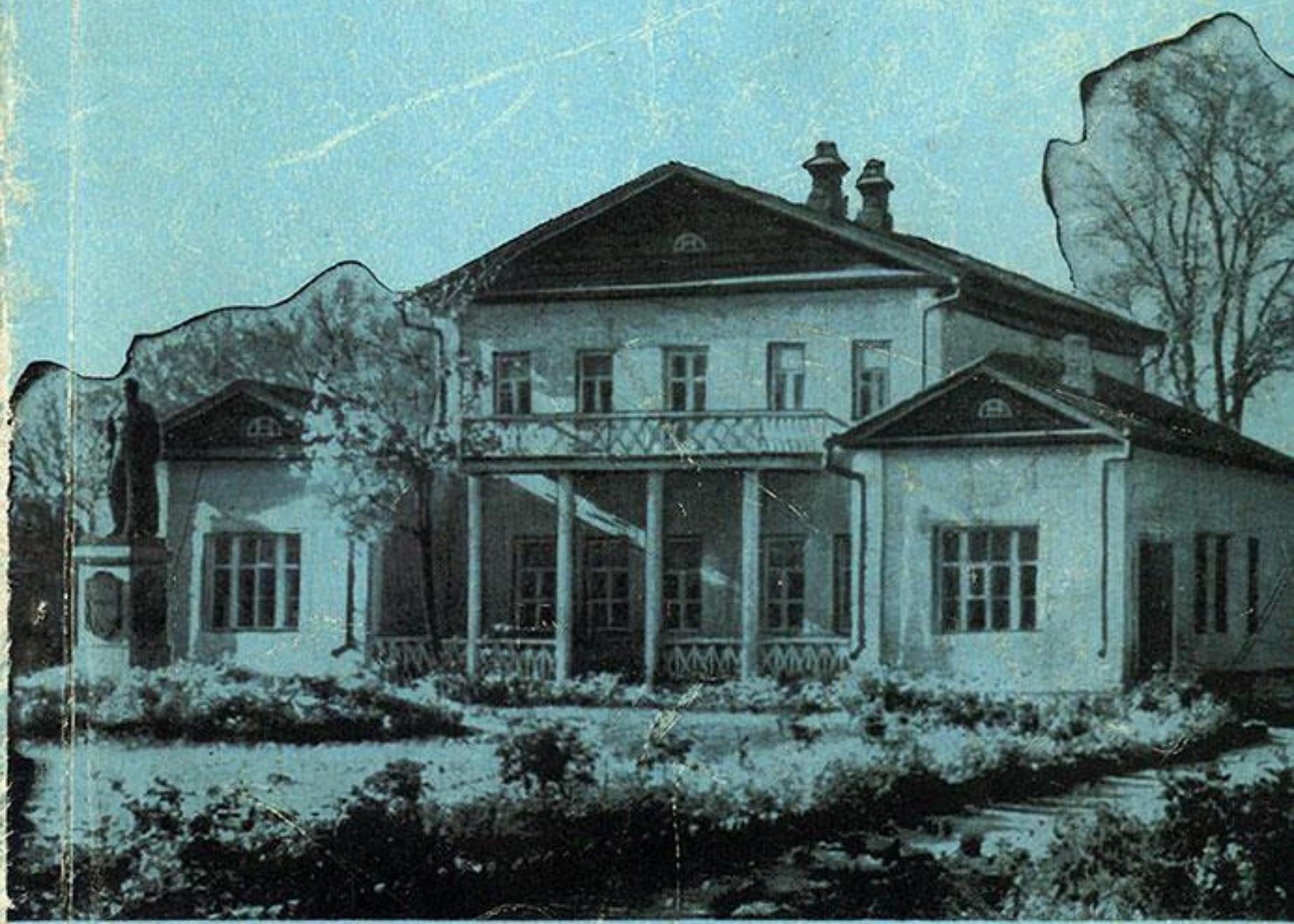

ТАРХАНЫ

Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Лермонтов

ЛЕРМОНТОВСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

В. АРЗАМАСЦЕВ

Приволжское книжное издательство
Пензенское отделение 1972

8Р1(069)
A80

Арзамасцев В.

A80 Тарханы. Очерк-путеводи-
тель. Саратов, Приволж. кн изд.
Пензенское отд., 1972.
104 с. с илл. [Лермонтов-
ский музей-заповедник].

Доп. к тем. плану 1972 г.

Прошлое и настоящее лермонтовских Тархан

Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь), у бабушки, слушаю, как под окном воет мятель... пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве.

М. Ю. Лермонтов — С. А. Раевскому¹

Среди широкой русской равнины в междуречье Волги и Дона, на юго-западе Пензенской области, раскинулось большое старинное село, сменившее в течение двух столетий несколько названий. Теперь это Лермонтово, в XVIII веке оно называлось «Никольское, Яковлевское тож», «Яковлевское, Долгоруково тож», на карте Пензенского наместничества, вошедшем в «Атлас российский» 1792 г., обозначено как Яковлевское. В начале XIX века село стало называться Тарханы и под этим названием получило самую широкую

¹ М. Ю. Лермонтов. Соч. В 6-ти т. Т. VI. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954—1957, стр. 433. Далее все ссылки на это издание даются в тексте цифрами: римские обозначают том, арабские — страницу.

известность¹. С Тарханами неразрывно связано имя великого русского поэта, который провел здесь почти половину своей короткой жизни.

Тарханы не были родовой вотчиной предков поэта. В начале XVIII века необжитые земли к югу от оборонительного вала Пенза—Мокшан—Нижний Ломов были поделены между служилыми людьми Петра I. Среди новых владельцев «порожних», т. е. незанятых, земель был и стольник Михаил Аргамаков.

Его дочь Анна вышла замуж за Якова Петровича Долгорукова. По смерти мужа княгиня Анна Михайловна Долгорукова продала вдове стольника Ивана Ивановича Нарышкина Настасье Александровне «крепостное свое имение в Пензенском уезде в завальном стану Никольское, Яковлевское тож»².

Предки поэта со стороны матери переселились сюда в конце XVIII века. Дочь богатого пензенского помещика Алексея Емельяновича Столыпина Елизавета Алексеевна, в замужестве Арсеньева, приобрела «состоящее Пензенского наместничества, Чембарской округи, село Никольское, Яковлевское тож, в коем писанных по последней четвертой ревизии мужеска полу дворовых людей и крестьян четыреста тридцать душ з женами их и детьми... и со всеми их семействы и со всяким их крестьянским и хоромным и с гуменным строением, со скотом и со птицы, с пашенною и не пашенною землею, с хлебом, стоячим, молоченым и в земле посеянным, с лесы, с сенными покосы, рыбными ловли и со всеми принадлежащими выгоны» 13 ноября 1794 г. у Ивана Александровича Нарышкина³. Все формальности по вводу Е. А. Арсенье-

¹ Современное Лермонтово находится в 18 километрах от города Белинского (бывший Чембар), на автомагистрали Пенза — Тамбов, в 36 километрах от железнодорожной станции Белинская.

² П. Вырыпаев. Дикое поле. — «Пензенская правда», 1967, 23 октября.

³ Краеведческие записки. Пензенское кн. изд., 1963, стр. 165.

вой во владение были закончены к концу 1795 г., и молодая чета стала прочно устраиваться на новом месте. Село располагалось «по обе стороны вершины речки Милорайки, на коей пруд, и ее трех отвершков, из коих в одном пруд, а четвертого отвершка на правом берегу и при большой дороге из города Чембара в Пензу церковь Николая Чудотворца и дом господский деревянные», — сказано в одном старинном документе. «Земля чернозем. Урожай хлеба и травы средственен. Лес дровяной. Крестьяне на оброке, кои сверх хлебопашства промысл имеют, скучая в других селениях мед, воск, сало, деготь и овчину, и продают по тorgам»¹. Занятия крестьян скupкой и продажей и породили название Тарханы. Так называли мелких торговцев. К экономической характеристике поместья следует добавить, что его владельцам принадлежала 4081 десятина земли, из них пашня занимала 3017, сенные покосы — 726, лес — 190². Количество крепостных колебалось: в 1800 г. насчитывалась 431 душа мужского пола и 440 женского; по данным за 1831 г., Арсеньевой принадлежало около 1300 душ, из них 176 были дворовыми.

При Арсеньевой крестьяне были переведены с оброка на барщину.

В литературе о Тарханах утвердилось мнение, что Арсеньевы поселились в усадьбе, оставшейся от прежних владельцев, стали приводить ее в порядок и благоустраивать. Это не совсем так. Сохранился геометрический план земель, принадлежавших тарханскому поместью. Он составлен на основе межевания 1782 г., проверенного в 1800 г. На этом плане барский дом показан в центре села, рядом с сельской церковью.

Какое-то время Арсеньевы жили в нем, но деятельной и хозяйственной новой помещице старая нарышкинская

¹ ЦГАДА, ф. 1355, 7 об. — 8.

² Там же.

усадьба пришлась не по вкусу, и на нескольких десятках десятин за восточной стороной села на берегах Большого пруда, который на две части разрезал половину села, были разбиты парк и сады, построены большой одноэтажный господский дом, службы, хозяйственные помещения. К центральной части усадьбы примкнули два новых пруда; барские строения с трех сторон стала окружать вода.

Мария Михайловна Арсеньева родилась в 1795 г. После 1812 г. она вышла замуж за небогатого дворянина Тульской губернии Юрия Петровича Лермонтова. Хотя молодожены стали жить в Тарханах, перед рождением ребенка они поехали в Москву. Возвратились они зимой 1814—1815 гг. с сыном Михаилом, родившимся в ночь с 2 на 3 октября 1814 г.¹ С этого времени история тарханской усадьбы непосредственно связана с именем великого поэта.

Здесь прошли детские и отроческие годы Лермонтова, в летние каникулы 1828 г. написана первая поэма «Черкесы», зимой 1836 г. созданы драма «Два брата», поэма «Сашка», стихотворение «Умирающий гладиатор». Увиденное и пережитое в Тарханах было творчески использовано в романе «Вадим», в юношеских трагедиях «Люди и страсти», «Странный человек», в поэме «Песня про купца Калашникова»; воспоминаниями о родных местах навеяны многие лирические образы. Без тарханского материала невозможно представить себе творческую историю «Бородина», «Родины», стихотворений «Когда волнуется желтеющая нива...», «Как часто пестрою толпою окружена...».

До конца жизни Лермонтов вспоминал родную усадьбу и годы, проведенные в ней.

¹ Все даты, обозначающие события до Великой Октябрьской революции, указываются по старому стилю.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне, —

писал он в начале 1840 г., когда начались самые трудные и драматические события в его жизни.

Строительство в усадьбе и селе продолжалось долго. В 1818 г. по распоряжению Е. А. Арсеньевой был сломан одноэтажный барский особняк, в котором покончил самоубийством ее муж и умерла от скоротечной чахотки единственная дочь. Вместо него возник деревянный с мезонином дом невдалеке от прежнего места. В память Марии Михайловны Лермонтовой в 1820 г. была построена домовая церковь. В 1840 г. открылась сельская церковь, посвященная Михаилу Архистратигу, считавшемуся покровителем М. Ю. Лермонтова.

Забота о Тарханах прекратилась после смерти Е. А. Арсеньевой. По завещанию 1817 г. все ее достояние должно было перейти к единственномуну внуку, после его гибели Елизавета Алексеевна составляет новое завещание (1841 г.), но в январе 1845 г. переделывает его. В соответствии с последним документом все «недвижимое имение», «мужеска полу шестьсот одна душа, с их женами, обоего пола детьми», «пашенною и непашенною землею», а также «господский дом со всеми службами, посудою разного качества... словом не изымая ничего и все движимое без остатка»¹ достались Афанасию Алексеевичу Столыпину, брату Арсеньевой. После его смерти Тарханы последовательно переходили к его сыну Алексею, дочери (М. А. Щербатовой) и внучке (М. В. Кат-

¹ Государственный архив Пензенской обл., ф. 24, оп. 1, д. 1866, л. 84. — Далее сокращенно — ГАПО.

ковой). Наследники Арсеньевой в Тарханах не жили, имением и усадьбой распоряжались их управляющие. Некоторое время по инерции еще все шло по-прежнему. «Когда мы приехали в Тарханы и вошли в господский дом, то он оказался пустым, т. е. в нем никто не жил, но порядок и чистота были образцовые, и он был полон мебели, той же, какая была восемнадцать лет назад, когда в этом доме жил М. Ю. Лермонтов. Нас встретил тот дворовый человек, бывший с Лермонтовым на Кавказе, и, узнав о цели нашего посещения, стал водить нас по дому и рассказывать о прошлом. Затем он повел нас наверх, в мезонин, в те именно комнаты, в которых всегда жил, находясь в Тарханах, Лермонтов. Там, как и в доме же, все сохранилось в том же виде и порядке, какие были во времена гениального жильца этих комнат. В запертом красного дерева со стеклами шкафе стояли на полках даже книги, принадлежащие поэту» — так вспоминались Тарханы писателю И. Захарьину (Якунину), посетившему усадьбу в 1859 г.¹

Но лишенная должного надзора усадьба ветшала и разрушалась, управляющие перестраивали хозяйственныепостройки, вносили изменения в планировку парка.

Как выглядела усадьба в начале нашего века, можно судить по одному письму в газету «Пензенские губернские ведомости». Сельский учитель, скрывавшийся за инициалами А. З., с негодованием сообщал: «Нынешним летом я вместе с учителями полянской школы был в Тарханах. Сперва побывали в склепе семейства Арсеньевых, а потом в имении, принадлежавшем Лермонтову, а теперь г. Столыпину. На нашу просьбу посмотреть какие-либо вещи, уцелевшие от времени Лермонтова, или показать комнату, где поэт когда-то занимался, конторщик

¹ И. В. Захарьин (Якунин). Белинский и Лермонтов в Чембаре. — «Историч. вестник», 1898, кн. 3, стр. 912—913.

по приказанию жены управляющего сказал: «Дом отремонтирован недавно, и все комнаты переделаны или перекрашены, а вещи все уничтожены или увезены». Тогда мы отправились посмотреть на сад и аллею, любимую поэтом. Что же нас ожидало? Прекрасная липовая аллея, на которой в былое время любил гулять Михаил Юрьевич, теперь примыкала к скотному двору и... представляла самый отталкивающий вид. Но еще более пришлось удивиться после. Мы прошли по дорожке парка, скрывающей какую-то веселую компанию. «Это что же они здесь ходят и смотрят?» — спросил кто-то из компании, кивая на нас. «А пришли смотреть имение Михайлы Лермонтова», — отвечал другой. «Какого это Михаила?» — «А ты разве не знаешь?» — «Нет». — «Ну, что еще сочинял». Как обидно за поэта! Так у нас чтут память о гениальных людях, так охраняют предметы их, и это в местах, которыми наши знаменитости владели, жили, воспользовались. Тут следовало открыть даже музей... должны были сберечь комнату с прошлой ее обстановкой, поддерживать, а не запускать известную липовую аллею¹.

Желанию автора письма было суждено исполниться не скоро. Управляющий Казьмин вырубил большую липовую аллею, пустил на дрова часть дубовой рощи, в ночь с 13 на 14 июня 1908 г. пожар почти уничтожил лермонтовский дом. Надворные постройки существовали долго, и лишь в 20-х годах снесены за ветхостью. Но дух поэта продолжал витать над тарханской усадьбой, несмотря на недобрую волю некоторых людей или их безразличие. Лермонтовские места постоянно привлекали внимание передовой русской общественности. Уже в 1853 г. в журнале «Пантеон» было напечатано письмо одного пензенского жителя, где говорилось: «Село Тарханы в

¹ «Пензенские губернские ведомости», 1905.

последние годы приобрело известность, и часто бывает украшена свежими цветами гробница поэта. Грустно на его безвременной могиле, но отрадно внимание, которое оказывают его памяти и высокому дарованию... даже безграмотные крестьяне смутно понимают, что их барин был чем-то, писал что-то хорошее»¹.

В газетах появляются очерки о Тарханах, вызывающие интерес читателей. Село посещали первый собиратель материалов для биографии Лермонтова, скромный пензенский преподаватель гимназии В. Х. Хохряков, дважды (в 1880 и 1881 гг.) был здесь автор первой научной биографии поэта профессор П. А. Висковатый. В день 50-летия со дня гибели поэта, 15 июля 1891 г., в Тарханах состоялось чествование его памяти. Были совершены заупокойная литургия и торжественная панихида. Пензенская печать отмечала, что на могилу Лермонтова прибыли жители «не только из ближайших мест, но очень издалека, за несколько сот верст, причем не мало было лиц, особенно крестьян, прибывших в Тарханы пешком»². Особенno было много местных жителей.

В 1912 г. было разрешено образовать по инициативе крестьян села Тарханы «Общество сельского хозяйства под названием Лермонтовского с районом действия на Тарханскую и Щепотьевскую волости». Общество решило построить свое помещение, в котором были бы зал для собраний, читальня и библиотека. «Дом кооперативных учреждений имени М. Ю. Лермонтова» должен был стать культурно-экономическим и просветительным центром для населения Тархан и окрестных сел.

Многое для увековечения памяти поэта и пропаганды его творчества делала пензенская прогрессивная общественность.

¹ Э. Герштейн. Судьба Лермонтова. М., «Сов. писатель», 1964, стр. 131.

² «Пензенские губернские ведомости», 1891, № 153.

Уже в 1864 г. возникла мысль организовать повсеместно подписку на сооружение памятника Лермонтову в Пензе. Дело заглохло, но в начале 90-х годов вновь стали говорить о необходимости установить в городе монумент поэта. В 1892 г. нужные средства были собраны пензенской прогрессивной интеллигенцией, и 17 мая бюст Лермонтова работы известного скульптора И. Я. Гинцбурга был торжественно открыт. Это был второй в стране памятник поэту.

В 1891 г. в пензенской газете появилось сообщение, что в Тарханах предполагается открыть бесплатную народную читальню и присвоить ей имя поэта. 1 октября 1892 г. начала действовать в Пензе публичная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, проводившая большую просветительную работу. Кроме значительного книжного фонда библиотекой были собраны некоторые лермонтовские материалы. Управляющий имением в Тарханах П. Н. Журавлев прислал восемь фотографий с портретов Лермонтова, его родственников, снимки дома, часовни и памятника над могилой поэта. В начале 900-х годов при библиотеке было создано культурно-просветительное общество имени М. Ю. Лермонтова.

В 1912 г. у пензенцев возникла мысль организовать музей великого земляка; городская дума решила объявить всероссийскую подписку по сбору средств для сооружения аудитории и музея имени Лермонтова в Пензе. Правда, намерение это не было осуществлено¹.

Стихийно лермонтовским музеем становилась усадьба Е. А. Арсеньевой. Это поняла даже М. В. Каткова — последняя тарханская помещица. В 1914 г., к 100-летию со дня рождения поэта, были отремонтированы церковь Марии Египетской и фамильная часовня Арсеньевых.

¹ Е. Я. Дмитрук, С. Г. Кузнецов. В памяти народной. — Краеведческие записки, вып. II. Приволжское кн. изд., 1970, стр. 164—171.

Тогда же в часовне у могилы Лермонтова была заведена книга отзывов.

За четыре года было заполнено несколько листков. Свои «автографы» оставили только немногие представители интеллигенции и учащиеся. Зато сразу после Октябрьской революции количество посетителей резко возросло. К Лермонтову шли рабочие, крестьяне, работники Советов, красноармейцы. Руки, мало привыкшие к карандашу, выводили не очень складные, но идущие от сердца слова:

«При посещении вашей могилы мы вспомнили, что своими ты стихами и сочинениями открывал глаза народу», «Спи спокойно, учитель молодого поколения».

«Я рад, что край наш изобилует талантами. Да здравствует вечная гордость мира — наш гений Лермонтов. А родина-республика рождает еще поэтов и писателей пролетарских. Пусть будет так» — это записал Петр Замойский, впоследствии известный советский писатель.

После Октября имение Тарханы было национализировано. В сентябре 1918 г. Нарком просвещения А. В. Луначарский в беседе с председателем Чембарского укома РКП(б) интересовался состоянием дома Белинских в Чембаре и Тарханами, дал указание немедленно привести их в порядок и установить мемориальные доски¹. В 1922 г. в письме президенту Российской академии художественных наук А. В. Луначарский настоятельно предлагал «сделать что-нибудь для сохранения Тархан»². Однако хозяйственные трудности молодой республики долго мешали уделить лермонтовским местам то внимание, которого они заслуживали.

В 1934 г. постановление Средне-Волжского крайисполкома по ходатайству общественности объявило село Лер-

¹ П. Максяшев. Наш Белинский. Пензенское кн. изд., 1961, стр. 99.

² «Волга», 1968, № 10, стр. 190.

монтово заповедником. Практические работы по организации музея начались в 1936 г. при прямом содействии заместителя Наркома просвещения Н. К. Крупской. В организации дома-музея М. Ю. Лермонтова принимали участие центральные учреждения, Государственный литературный музей. Авторами первой экспозиции были опытные музейные работники Н. П. Пахомов, М. Д. Беляев, сотрудники Гослитмузея Н. А. Любович и Т. А. Иванова, первый директор музея А. И. Храмов. Благодаря энергии Н. П. Пахомова, ныне заслуженного деятеля искусств РСФСР, был собран фонд подлинных экспонатов, необходимых для построения первой экспозиции.

30 июля 1939 г. дом-музей М. Ю. Лермонтова был торжественно открыт при огромном стечении народа. С этого времени музей начал постоянно расти. В ноябре 1944 г. отнесен к числу музеев республиканского значения. Он стал называться «Государственный музей-усадьба М. Ю. Лермонтова». Территория музея-усадьбы была определена в 1948 г. и составила 9,8 гектара. Музей значительно расширил свою деятельность. В 1966 г. исполнительный комитет Пензенского областного Совета депутатов трудающихся установил охранную зону в радиусе от 1 до 5 километров от границ музея.

Самой знаменательной датой в истории лермонтовского уголка стал день 30 июля 1969 г.: на базе музея-усадьбы был создан Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». В его состав были включены все наиболее значительные лермонтовские памятники в Тарханах и вблизи их. В территорию заповедника (100 гектаров) входит вся усадьба Е. А. Арсеньевой, усадьба родственников поэта Шан-Гиреев Апалиха. В музее ведутся капитальные реставрационные работы, чтобы сделать все в заповеднике так, как было при жизни поэта. В фондах музея собрано около десяти тысяч экспонатов о жизни и творчестве Лермонтова: документы, книги, предметы быта, произведения живописи и графики. Почти все рукописи

поэта и многие документы по его биографии из других хранилищ страны фотокопированы и входят в музейное собрание.

Современному посетителю «Тарханы» расскажут о жизни и творчестве поэта, введут в быт дворянской усадьбы первой половины XIX века, помогут открыть источники поэзии Лермонтова.

По старой тарханской усадьбе

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

М. Ю. Лермонтов (II, 137)

Важнейшей и самой большой по размеру (свыше 80 гектаров) частью лермонтовского заповедника является старая арсеньевская усадьба.

Возникнув на рубеже XVIII—XIX веков, она носит характерные черты поместного быта того времени. Все здесь было приспособлено для удобной жизни помещиков: от крестьянского села усадьба изолирована валом, территория разделена четко на три части — центральную с домом и парком, хозяйственный двор и угодья (луга, роща, водоемы). Элементы усадебного комплекса кажутся случайно разбросанными по территории, но они объединены общим замыслом, композиция четко и художественно продумана. Благодаря красоте и богатству естественной природы не возникало необ-

ходимости благоустраивать большие участки, декоративные сады были по площади сравнительно невелики, но очень умело вписывались в природный ландшафт. В садах наряду с декоративными растениями (жасмин, шиповник, сирень, желтая акация, береза, липа, дуб) широко использовались фруктовые деревья и ягодные кустарники — практическая польза была главной целью.

Свернув с автомагистрали г. Пенза — г. Белинский и миновав улицу села Лермонтово, которая по-старинному зовется Бугром, посетитель останавливается перед зеркальной гладью Верхнего (его еще называют Барским) пруда. Село разрослось и занимает леваду, ранее отделявшую усадьбу от крестьянских домов. По неширокой плотине, обсаженной молодыми ветлами, дорога ведет к большой зеленой поляне, протянувшейся перед сохранившимися усадебными постройками — господским домом и домовой церковью. «От барского дома по скату горы до самой реки расстипался фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы... Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской, а двор обстроен был одноэтажными длинными флигелями, салями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы...» — так запомнилась центральная часть усадьбы самому Лермонтову (VI, 192).

Земляной вал, сделанный руками крепостных, сохранился и четко определяет границы усадьбы. Она лежит продолговатым массивом неправильной формы с востока на запад. Ее крайние части: фруктовый Дальний сад на востоке и Дубовая роща на западе. Почти посередине усадьбу разрезает долина речки Милорайки, делающей около усадьбы плавный изгиб. С руслом Милорайки соединяются два глубоких оврага, в одном из них устроены два пруда (Верхний и Средний), в вершине другого был пчельник и еще один пруд. Все постройки располагались

в восточной части усадьбы, от господского дома до Дальнего сада. Как выглядел архитектурный ансамбль всей усадьбы Е. А. Арсеньевой, посетитель может представить себе по схематическому плану, составленному на основе рассказов тарханских старожилов, и расположению сохранившихся фундаментов. В одном ряду с домом ключника стояли барская кухня, кирпичный коровник и деревянный каретник. На склоне оврага, недалеко от Барского пруда, находились птичник и баня. На другой стороне, напротив дома ключника, располагалось большое кирпично-саманное здание — людская изба, где жили дворовые. За ней следовали ледник, конюшни, скотный двор. У самого Дальнего сада размещались рига, овины, амбары для хранения зерна.

С трех сторон центральную часть усадьбы окружают пруды; по склону полугоры, спускающейся к Большому пруду, барский дом подковой охватывает парк и упомянутый в стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен...» Средний сад — «сад с разрушенной теплицей».

В западной части усадьбы никаких построек не было, от берега Большого пруда начинается Круглый сад с декоративными парковыми участками, переходивший затем, по обычаям парковой архитектуры того времени, в естественную дубовую рощу. «У бабушки были три сада, большой пруд перед домом, а за прудом роща; летом простору вдоволь. Зимой немного теснее, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену... сходился на кулаки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий-садовник выбрался из свалки с губой, рассеченной до крови», — вспоминал друг поэта и товарищ его детства А. П. Шан-Гирей¹.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Худ. литература», 1964, стр. 35.

Первые тринадцать лет жизни, прошедшие в усадьбе бабушки, сыграли огромную роль в формировании будущего поэта. «В 15 лет ум уже не так быстро принимает впечатления, как в детстве», — отметил однажды Лермонтов.

Ранние наблюдения и переживания будущего поэта впоследствии широко отразились в его стихах и прозе, преломившись в соответствии с жизненным и творческим опытом.

Духовный мир Лермонтова-ребенка был богат и сложен, в специфических условиях крепостной действительности своеобразно слагался его характер. Психологически тонко показана Лермонтовым история становления характера Саши Арбенина, героя автобиографического отрывка «Я хочу рассказать вам...»: «Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки... Бог знает, какое направление принял бы его характер, если бы не пришла на помощь корь, болезнь, опасная в его возрасте. Его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки. Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если б он не получил от природы железного телосложения, то верно бы отправился на тот свет. Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обычными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнем играть не должно. Но увы! никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил все существо бедного ре-

бенка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страданья тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, вочных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури. Вероятно, что раннее развитие умственных способностей немало помешало его выздоровлению» (VI, 193). С напряженной внутренней жизнью и живым воображением пришло поэтическое восприятие мира и стремление выразить живые зрительные образы средствами искусства: «Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уж волновало его душу, когда полный месяц светил в его детскую кроватку» (VI, 193). Современники вспоминали, как Лермонтов-ребенок прислушивался к созвучиям, повторяя слова в рифму, как весной Мишель делал огромные человеческие фигуры из талого снега, лепил ценные картины из крашеного воска, рисовал. Увлекался мальчик театром марионеток, для которого сам делал куклы и сочинял маленькие пьесы.

Родная природа оставила одно из самых сильных впечатлений. Усадьба Е. А. Арсеньевой живописно расположена среди широких полей. В трех километрах у Долгой рощи берет начало Милорайка, у истоков похожая на ключ, незамерзший во времена Лермонтова даже зимой. «Барский дом, одноэтажный, с мезонином, был окружен службами и строениями. По другую сторону господского дома раскинулся роскошный сад, расположенный на полугоре. Кусты сирени, жасмина и розанов клумбами окаймляли цветник, от которого в глубь сада шли тенистые аллеи. Одна из них, обсаженная акациями, сросшимися наверху настоящим сводом, вела под гору, к пруду.

С полугорья открывался вид на село с церковью, а дальше тянулись поля, уходя в синюю глубь тума-

на»¹ — такое описание оставил П. А. Висковатый, посетив Тарханы, когда они изменились совсем незначительно.

Панорама тарханской усадьбы в основном сохранилась до наших дней. Усадебный парк, планировка которого осталась прежней, террасами спускается к Большому пруду. Весной буйно расцветает сирень, густо зеленеют ландыши, шумят свежие листья, пробуждая в памяти строки лермонтовских стихов, в сплошной багрянец одеваются деревья и кустарники осенью:

#

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч; и желтые листы
Шумят под робкими шагами. (II, 136)

Лермонтовские стихи — лучший путеводитель по тарханскому парку. Еще живы липы, вязы и клены, которые склонялись над мальчиком Лермонтовым, но их немногого. Посетитель встретит такую группу деревьев недалеко от дома-музея и на прибрежной аллее. Сосновая аллея, которая идет над склоном оврага до теплицы, — ровесница поэта.

От дома-музея в парк разбегаются три дорожки, и каждая приводит к памятным лермонтовским местам. Левая аллея из кленов, сирени и акаций, круто спускаясь под гору мимо Среднего сада, заканчивается у огромного дуба, окруженного массивной металлической оградой. Дерево уже старое, с одной стороны с него сорвана кора, но могучая крона далеко разметнулась во все стороны, и полуторавековой исполин господствует над берегом. Тарханские старожилы рассказывали, что этот дуб посадил Лермонтов. По дорожке, справа от домовой церкви, минуя мостик над водоспуском Среднего пруда и поднявшись на горку, посетители приходят на «тран-

¹ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 11.

шеи» — место детских военных игр Лермонтова. Когда мальчик вступил в отроческий возраст, сообщают мемуаристы, бабушка набрала ему отряд дворовых ребят, одела их в военное платье, и «делал им Михаил Юрьевич учение». Два круглых возвышения, поросшие травой и терновником земляные бастионы, — свидетели жарких потешных сражений, которые разыгрывались на этом месте. Отсюда открывается вид на усадьбу, зарастающей камышом пруд, улицы села:

Зеленою сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями. (II, 136)

Средняя аллея, обсаженная сиренью, от церкви Марии Египетской выходит к земляной дамбе, рассекающей Большой пруд, и мостику, который перекинут на другой берег. Мостик восстановлен в 1966 г. Старая дамба поросла кустарником, деревья склоняются над всем берегом, отражаясь в воде. В начале «аллеи темной» в лермонтовские времена стояла беседка, сейчас от нее сохранились только камни фундамента. Над хорошо заметным углублением переплели свои ветви кусты сирени, акации, черемухи. Беседка была скрыта в склоне и с дорожек открывалась внезапно:

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и грязей,
И куст прелестных роз взлелеянных весной.
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!.. (I, 11)

«Цевница» была написана в 1828 г. В последних строках — воспоминание о первой любви, пережитой Лер-

монтовым в 1825 г. на Кавказе, когда бабушка в третий раз привезла внука на минеральные воды. Образ живой белокурой девочки с голубыми глазами Лермонтов долго не мог забыть и по возвращении в Тарханы. «Страсть сильная, хотя и ребяческая», «истинная любовь», говоря словами поэта, прочно слились в его памяти с тарханской природой. Много лет спустя Лермонтов писал:

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За роющей первое сиянье. (II, 137)

В трех километрах от усадьбы расположена Долгая роща. Если смотреть от барского дома, за ней всходит солнце. Это нужно знать, чтобы понять сравнение, заключенное в двух последних строчках.

Очень своеобразна восточная окраина усадьбы — Дальний сад. В центре сада кругом были посажены липы. Под их кронами стояла деревянная беседка, впоследствии сгоревшая (это удалось установить при раскопках на этом месте). От липового круга и кольцевой дорожки лучами расходились восемь аллей, обсаженных липами и вязами. На близких к центру участках высаживались цветы и кустарники, в бордюрах — яблони, вишни, груши, сливы, смородина, крыжовник.

Наибольшим изменениям к настоящему времени подверглась западная часть усадьбы. В 60-х годах прошлого века, а значит, и раньше она казалась сплошным лесным массивом. «Вскоре я уже был в с. Тарханах. Бурмистр дал мне в проводники деревенского парня, который и повел меня в пустой барский дом. Это большое здание с антресолями: кругом его сад, спускавшийся к оврагу и пруду. По оврагу бежал ключ, в некоторых местах не замерзший и зимой. За оврагом виднелась огромная гора, и по ней тянулся лес, и лес этот казался без конца и без края,

утопая где-то вдали», — писал Н. Рыбкин, собираяший материалы о Лермонтове и Белинском¹.

Круглый сад и Дубовая роща составляли одно целое, поэтому создавалось впечатление, что западная часть усадьбы покрыта большим лесом. Круглый сад сохранился, в нем по-прежнему растут яблони местных сортов. Через весь сад шла раньше большая липовая аллея, вырубленная в начале нашего века. От нее остались четыре двухсотлетних дерева-старожила. Роща теперь невелика, нет там и больших деревьев. Между Круглым садом и рощей находятся теперь производственные постройки совхоза «Лермонтовский». К окончанию реставрации зеленых насаждений на территории заповедника (с максимальным приближением к виду лермонтовского времени) они будут перенесены на другое место. В эту рощу на троицу и семик Лермонтов ходил вместе с дворовыми девушками, наблюдал их танцы, игры, хороводы.

Несмотря на некоторые изменения, тарханские виды по-прежнему обаятельны. Много в парке и садах живописных групп деревьев, укромных уголков, тихих аллей, зелени и солнца. В стихах поэта встречаются конкретные приметы тарханского пейзажа. О них вспоминал Лермонтов в самые трудные моменты жизни.

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуках ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,

¹ Н. Рыбкин. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова. — «Исторический вестник», 1881, октябрь, стр. 365. Хотя заметки Н. Рыбкина напечатаны в 1881 г., он посетил Тарханы не позднее 1864 г. В своих воспоминаниях он сообщает, что спустя год узнал о смерти П. П. Шан-Гирея. Как установил автор этих строк по документам Пензенского облархива, П. П. Шан-Гирей умер в 1864 г. Ранее в литературе указывалась неправильная дата — 1869 г. При описании дома Н. Рыбкин допустил неточность: назвал мезонин антресолями.

Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле, —

писал он в 1837 г., находясь под арестом и ожидая строгой кары за мятежные стихи на смерть А. С. Пушкина. Поэт с тоской мечтал о возможности покоя и счастья. И только в чувстве единения с природой, слитности с нею он видел возможность избавиться от тревожного духа, «постигнуть счастье на земле», найти мир цельности и полноты. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» Лермонтов очень точно передал особенности усадьбы, где он провел счастливые детские годы.

Для Лермонтова идеалом прекрасного человека был тот, мироощущение которого созрело под животворным влиянием природы:

Блажен, кто вырос в сумраке лесов,
Как тополь дик и свеж, в тени зеленой
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ студеный
По дну из камней радужных цветов
Струей гремучей прыгает сверкая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак позднею порой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между ветвями
Отсюду смотрит черными очами!
(«Сашка», IV, 95)

Исследователи творчества Лермонтова в этом идеале поэта видят влияние великого французского мыслителя Жан-Жака Руссо. Отрицать его воздействие невозможно, но нельзя забывать, что Лермонтов сам вырос в тесном

общении с природой. В те же детские годы Лермонтова поразила бурная и мятежная стихия Кавказа, но в душе всегда жили и непрятательные картины русского пейзажа. «Прекрасны вы, поля земли родной!» — воскликнул юный Лермонтов. С годами его внимание к природе средней полосы России усилилось. Этот процесс завершился созданием «Родины», где, казалось бы, самые прозаические образы подняты до уровня самой выской поэзии.

По залам музея

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,—
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!

М. Ю. Лермонтов (I, 139)

Самое пристальное внимание посетителей привлекают мемориальные здания: барский дом, церковь Марии Египетской, восстановленный «длинный флигель» — дом ключника и конторщика. Центральное место занимает барский дом. После реставрации, которая закончится в 1972 г., дом будет выглядеть так же, как при Лермонтове. Правда, изображения дома в то время, когда поэт там жил, не известны, но более поздние свидетельства, подкрепленные архитектурно-искусствоведческим анализом, позволили установить его первоначальный вид.

В 1842 г. дом с церковью и часть парка зарисовал пензенский землемер М. Рудкевич. Копия с раскрашенной литографии по его рисунку и другие документы выстав-

лены в одной из комнат дома-музея — девичьей. В печати 80-х годов XIX века появилось много изображений тарханской усадьбы («Нива», «Газета А. Гатцука», «Живописное обозрение» и т. д.), однако на них дом запечатлен в тот случайный момент, когда с него был снят мезонин. Это произошло в 1867 г. Об этом периоде истории дома дают представление картина Н. Гарднера и гравюра М. Рашевского по рисунку И. Панова.

«Вы поворачиваете с дороги в сторону, вправо, и, проехавши еще версты две, прямо подъезжаете к крыльцу небольшого барского дома; вокруг старое надворное строение — ни одной торной тропинки; вокруг густая мурава, как бархатным ковром, покрыла весь двор. Одноэтажный деревянный дом был прежде с мезонином, но мезонин очень недавно снят и стоит еще неразобранным тут же, на барском дворе», — писал Н. Прозин в 1867 г.¹

С самыми подробными деталями лермонтовский дом был зафиксирован позднее. П. А. Висковатый тщательно зарисовал дом со стороны двора (1880 г.) и парка (1881 г.). П. Н. Журавлев по просьбе начальника Николаевского кавалерийского училища А. А. Бильдерлинга, организатора первого лермонтовского музея в России, выслал ему в 1883 г. две фотографии, изготовленные пензенской мастерской Вакуленко. Парадная сторона на фотографиях Вакуленко запечатлена лишь частично, но в фондах музея есть две другие фотографии (братьев Б. Л. и Н. Л. Шугаевых и из альбома В. Г. Архангельской) начала 900-х годов, которые возмещают этот недостаток. Как определенно свидетельствуют многие очевидцы, лермонтовский дом сохранился без каких-либо существенных переделок до пожара. П. К. Шугаев, собиравший в 90-х годах материалы о Лермонтове и Белинском, утверждал категорически: «Тот стариинный деревянный барский

¹ Н. Прозин. Выдержки из моего дорожного портфеля. — «Пензенские губернские ведомости», 1867, № 50.

дом с мезонином и тремя балконами, под кровлей которого воспитывался один из величайших русских поэтов, все в том же виде, кроме мебели, без малейших изменений»¹.

П. А. Висковатому мы обязаны уникальным планом внутреннего расположения комнат дома.

Пожар 1908 г. уничтожил лермонтовский дом, однако то, что осталось от него, было использовано при восстановлении в следующем году². Дом восстанавливался на старом цоколе.

При реставрации дома в 1971—1972 гг. (автор проекта Е. А. Черников) были учтены все известные источники: изображения (от литографии по рисунку М. Рудкевича до позднейших фотографий), описания и воспоминания. Скромный дом, облицованный тесом, с профилированными карнизами, продолговатыми окнами, незамысловатыми наличниками и небольшим крылечком с парадного входа очень близок по стилю русскому провинциальному ампиру. Восточный и западный фасады украшают балконы на колоннах, один из них, западный, покоятся на большой террасе, с которой можно войти прямо в гостиную. Выкрашен дом желтой краской, крыша — зеленой.

Внутренняя планировка дома соответствует той, что была при Лермонтове.

Парадный вход — с южной стороны фасада через небольшие сени и прихожую. Западная сторона первого этажа занята анфиладой из трех комнат. Две из них, зала и гостиная, служили для приема гостей. Третья комната обозначена на плане как спальня, однако Висковатый, возможно, зафиксировал в 1881 г. положение, установленное П. Н. Журавлевым. По архитектурной поместной

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 64.

² Об этом сообщила в 1966 г. автору этих строк М. Г. Элементова, жившая в Тарханах с 1901 г. и часто посещавшая управляющего имением.

практике начала XIX века этой комнате должна соответствовать столовая. Близкое соседство чайной делает это предположение очень убедительным, поэтому в доме-музее эта комната обставлена как столовая. К восточному фасаду примыкает небольшая комната, имевшая служебное назначение, классная, чайная, детская или образная, девичья и вторые сени.

Подлинная арсеньевская обстановка за небольшим исключением не сохранилась, поэтому комнаты первого этажа обставлены сейчас мебелью лермонтовской эпохи. В зале — ампирные кресла карельской березы со старинными классическими формами, с лепными спинками и вышитыми узорчатыми сиденьями, в гостиной — мягкая мебель черного лакированного дерева с золочеными деталями и голубой обшивкой под цвет обоев, в столовой — мебель в стиле жакоб, горки с посудой в столовой и в чайной со старинным фарфором, картины русских и иностранных художников, украшающие стены, ломберные столы, художественные канделябры и настенные бра зりмо передают обстановку дворянского гнезда первой четверти XIX века.

Всех обитателей тарханского дома посетитель видит в зале на старинных портретах (копии). Портреты Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, ее дочери, зятя и трехлетнего внука относятся приблизительно к одному времени и созданы не первоклассными, но достаточно грамотными художниками. Е. А. Арсеньева представлена гордой, исполненной достоинства и уверенности барыней средних лет, лицо, написанное в теплых тонах, смягчается живой улыбкой. Юрия Петровича Лермонтова современники запомнили стройным, красивым мужчиной, привлекательным в обществе, веселым собеседником, добрым, но вспыльчивым человеком. Хрупкой и нервной, мечтательной, с тонкой душой была Мария Михайловна. Портреты родителей поэта довольно точно передают черты их внешности и характера.

На первом портрете Лермонтов изображен в белом платьице, с мелком и листом бумаги в руке. На портрете запоминаются выразительные карие глаза мальчика, умное сосредоточенное лицо, резко очерчены нос, губы, светлые волосы. Не случайна поза мальчика: с самого раннего возраста он проявил большой интерес к рисованию. «Пол в комнате маленького Лермонтова был покрыт сукном. Величайшим удовольствием мальчика было ползать по нем и чертить мелом», — вспоминает С. А. Раевский¹.

Второй портрет Лермонтова тарханской поры относится к 1822—1824 гг. Это повзрослевший, много думающий и внимательный мальчик. «В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой, глаза эти с черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны», — вспоминал художник-живописец М. Е. Меликов².

Облик Лермонтова в зрелости запечатлен на портретах Ф. Будкина и П. Заболотского.

Ранние годы запомнились Лермонтову как самая счастливая пора его жизни. Воспитавшая его бабушка видела во внуке «единственный предмет услаждения остатка дней своих и совершенного успокоения горестного своего положения»³.

На нем она сосредоточила все внимание и заботы, вни-

¹ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 19.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 74.

³ Духовное завещание Е. А. Арсеньевой. — «Литер. наследство», т. 45—46. М., Изд. АН СССР, 1948, стр. 634. Далее сокращенно — ЛН.

кая во все его занятия и забавы. Е. А. Арсеньева старалась дать внуку хорошее образование.

В зале тарханского дома зимой устраивалась елка. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженые, плясали и пели, веселя мальчика. Те, кто потешал мальчика, на святки освобождались от работы. С большими приготовлениями встречались праздники. Весною зал часто заполнялся дворовыми девушками, приходившими катать яйца. Маленький Лермонтов в играх принимал самое деятельное участие и часто делился радостью с бабушкой. Позднее в доме устраивались танцы и домашние спектакли.

Поэтесса 1840-х годов Варвара Анненкова так рисует взаимоотношения бабушки и внука в стихотворении «К М. Ю. Лермонтову», почерпнув материал из бесед с Е. А. Арсеньевой:

Утешь ее, утешь! явись во мраке ночи,
Когда смыкаются задумчивые очи,
Когда создание почнет в тишине,
Явись страдалице, утешь ее во сне,
Когда наводит взор полуночи светило.
Своим явлением напомни то, что было!
И первый лепет твой, младенческий язык,
И будто тихо ты на грудь ее приник,
И милой бабушке высказываешь снова
Урок младенческий; и вот! забыл ты слово,
И вот она тебя с улыбкою бранит.
Но вечер: сад тебя развесистый манит,
И няня вслед едва поспеет за тобою,
И дерен смуглую ты оборвал рукою,
И снова к бабушке, и там перед окном
За греческим ее находишь словарем,
С тобою учится и каждый вечер снова
Выписывать тебе слова она готова,
Чтоб труд твой облегчить, а ты, ласкаясь к ней,
Рассказываешь сам о ревности своей¹.

¹ М. Ю. Лермонтов в портретах. Редакция и вступительная статья И. С. Зильберштейна. М., Изд. Гослитмузея, 1941, стр. 14.

Часы досуга, а также время, которое приходилось проводить в классной, мальчик делил со своими сверстниками, детьми родственников и соседей. Арсеньева воспитывала их в своем доме, желая создать внуку подходящую обстановку. Средств она не жалела и тратила на обучение до 10 тысяч в год. Воспитателями Лермонтова были бонна Христина Осиповна Ремер и бывший сержант наполеоновской гвардии Жан Капэ. Ремер учила мальчика не только немецкому языку, она и благотворно действовала на него, прививая чувство любви к людям, уважения к их достоинству. Рассказывают, что Христина Осиповна не позволяла мальчику сказать ни одного грубого слова и крепостным слугам. Любимым воспитателем был Капэ, много рассказывавший своему питомцу о Наполеоне, Великой французской революции, войне 1812 г. Впрочем, о патриотическом подъеме, охватившем русский народ в 1812 г., Лермонтов немало слышал в Тарханах от участников пензенского ополчения, о подвиге русского народа рассказывали родные и знакомые.

Афанасий Алексеевич Столыпин, родной брат Е. А. Арсеньевой, в Бородинском бою командовал артиллерийской батареей. Во время одной схватки он хладнокровно подпустил французских кирасиров на близкое расстояние, а затем картечью расстрелял их. «Доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне всегда останутся памятными его сослуживцам», — писал о нем очевидец. Лермонтов особенно любил своего двоюродного деда, который часто бывал в тарханском доме, и с жадным интересом слушал его рассказы. Юрий Петрович Лермонтов во время войны участвовал в ополчении. Е. А. Арсеньева жертвовала деньги в пользу армии.

Побывав в 1819 г. в Москве, Лермонтов видел столицу, еще не отстроенную после пожара, разрушенные стены Кремля, орудия, захваченные у французов. События Отечественной войны были запечатлены на многочисленных

гравюрах и литографиях. Большая раскрашенная литография П. Гессе «Сражение при Бородине», гравюра Годби с портрета М. И. Кутузова работы А. П. Волкова, гравюра Т. Райта с портрета А. П. Ермолова работы Г. Дау, народные лубочные карикатуры на французов помещены в столовой дома-музея. Такие картины вполне могли быть в доме и в лермонтовское время. Рассказы о Бородинской битве, сожжении Москвы, взятии Парижа были для Лермонтова, как и для его современника А. И. Герцена, «колыбельной песнью, детскими сказками»¹. Недаром в самых первых поэтических опытах у Лермонтова появляется тема войны 1812 г., в поэме «Черкесы» упоминаются «неустрашимые сыны Дона» — казаки,

Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих брегах... (III, 14)

Рассматривая в доме-музее изобразительные материалы времени Лермонтова, вспоминая строки «Бородина», безыскусный рассказ его героя, старого солдата, который выражает народную точку зрения на события, посетитель видит великий подвиг русского народа как бы глазами его современника.

В Тарханы долетели и отзвуки событий, стоявших в центре общественной и литературной жизни. К Е. А. Арсеньевой «часто наезжали близкие родные с детьми и внучатами, словом — дом был всегда битком набит, — свидетельствует А. П. Шан-Гирей. — Когда собирались соседки, устраивались танцы и раза два был домашний спектакль»². Бабушка Лермонтова постоянно переписывалась с родственниками и знакомыми. «Через письма родство и дружба сохраняется», — наставляла она в 1835 г. внука, упрекнув его, что он долго не писал Афанасию Алексеевичу Столыпину. Многочисленная родня

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. В 30-ти т. Т. VII. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 22.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 35.

Арсеньевой была влиятельной и хорошо осведомленной обо всем, что делалось в России. Генерал Дмитрий Алексеевич Столыпин, замечательно образованный человек, теоретик военного дела (он выступил в Артиллерийском журнале со статьей о роли артиллерии), был близким другом многих передовых людей. Во время службы в Южной армии он встречался с П. И. Пестелем. В последние годы Д. А. Столыпин жил недалеко от Москвы, в имении Середниково.

Еще более видное место занимал другой брат Арсеньевой, обер-прокурор сената Аркадий Алексеевич Столыпин. В молодости он сотрудничал в журнале «Полезное и приятное препровождение времени». В нем он напечатал рассказ «Восточный моралист», «Отрывок» (подражание «Вертеру»), перевод нравоучительной повести «Благодетельный государь». Среди номеров журнала, выставленных в гостиной дома-музея, часть шестая за 1795 г. раскрыта на последней повести, подписанной инициалами А. А. А. Сенатор Столыпин был дружен с В. А. Жуковским, А. И. Грибоедовым, знаком с К. Ф. Рылеевым и В. К. Кюхельбекером.

В гостиной тарханского дома выставлены два портрета знаменитых государственных деятелей царствования Александра I — Н. С. Мордвинова (редкая литография Г. Гиппиуса) и М. М. Сперанского (масло). Портрет Сперанского находился в тарханском доме в лермонтовское время, недавно он снова занял в нем свое место¹. Адмирал Николай Семенович Мордвинов, занимавший многие видные посты, член Государственного совета при Александре I и Николае I, знаменитый своим своеобразным либерализмом, приходился Е. А. Арсеньевой свой-

¹ Портрет описан в каталоге Н. П. Пахомова и М. Д. Беляева «Выставка лермонтовских фондов московских музеев». М., Изд. Гослитмузея, 1940, стр. 40. В лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» поступил из Гослитмузея в 1970 г.

ственником через свою дочь Веру Николаевну. Она была замужем за Аркадием Алексеевичем Столыпиным.

Мордвинов был чрезвычайно популярен среди декабристов. Влиятельный сановник пользовался сочувствием передовых людей благодаря независимости своих суждений и некоторой политической оппозиционности. «Мнения Мордвинова, подаваемые им по различным делам в Государственный совет, в десятках и сотнях копий расходились по рукам в Петербурге, в провинции и доставляли ему громкую славу среди современников»¹.

Ему посвящали свои произведения многие русские поэты, в том числе А. С. Пушкин и Е. А. Баратынский. К. Ф. Рылеев воспел Мордвинова в оде «Гражданское мужество», а после смерти А. А. Столыпина в 1825 г. напечатал в «Северной пчеле» 19 мая стихотворение, обращенное к его вдове. Призывая Веру Николаевну воспитать детей в патриотическом духе, Рылеев писал:

Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой,
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов..

Можно представить, что скорбя о смерти брата, Елизавета Алексеевна делилась горем с малолетним внуком и с гордостью показывала экземпляр «Северной пчелы», где неизвестный ей человек так прекрасно отзывался об Аркадии Алексеевиче. Не удивительно, что и о восстании на Сенатской площади Лермонтов узнал в Тарханах.

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XIX а. СПб, 1896, стр. 840.

Знаменитый М. М. Сперанский был не только другом петербургского сенатора Столыпина, он принимал самое непосредственное участие в заботах Е. А. Арсеньевой. В 1812 г. государственный деятель, предлагавший смелые прогрессивные реформы, был отстранен от должностей и сослан в Нижний Новгород. В 1816 г. Сперанский был переведен в Пензу и назначен гражданским губернатором. В переписке с А. А. Столыпиным, не отказавшимся, подобно многим, от связи с опальным деятелем, Сперанский постоянно сообщает новости о семье сестры друга: приездах Арсеньевой и Лермонтовых в Пензу, болезни и смерти М. М. Лермонтовой, ссорах Елизаветы Алексеевны с Юрием Петровичем, о судьбе будущего поэта, смерти его прадеда Алексея Афанасьевича Столыпина. Пензенский губернатор собственноручно свидетельствовал духовное завещание Е. А. Арсеньевой. 7 марта 1821 г. Сперанский по пути из Пензы в Москву записал в своем дневнике: «Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действие кавказских вод. Совершение исцеления. Чембар»¹. В записи интересен не только сам факт пребывания Сперанского в Тарханах, но и его большая осведомленность о делах тарханского семейства. Он знал, что Арсеньева еще раз ездила на Кавказ, знал о болезни ее внука и с удовлетворением отметил его выздоровление. Семилетний Мишель, конечно, запомнил приезд важного сановника, о котором в доме было так много разговоров. Учитывая, что друг поэта С. А. Раевский был восторженным поклонником Сперанского², можно с уверенностью сказать, что личность и судьба неудачливого преобразователя России не прошли бесследно для Лермонтова. Думая о России, в стихо-

¹ В. А. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 20.

² И. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., «Худож. литер.», 1969, стр. 58—59.

творении «Жалобы турка» юный поэт с горечью отмечал, что в ней

...являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень. (I, 49)

Не о таких ли людях, как Сперанский, сказано это?

Сложная жизнь взрослых, конечно, не осознавалась в тарханскую пору во всей глубине (это пришло позднее), но из нее многое будоражило и волновало ребенка, занятого своими детскими трудами и развлечениями.

«Лермонтов учился прилежно, имел особую способность и охоту к рисованию, но не любил сидеть за уроками музыки», рассказывает его двоюродный брат М. А. Пожогин-Отрашкевич¹.

В классной комнате дома-музея экспонируются типичные учебные принадлежности того времени — атласы, карты. Греко-русский словарь напоминает о том недолгом времени, когда Лермонтов учился греческому. Успехи были не блестящи, и уроки вскоре прекратились. О занятиях другими науками говорят учебник русского, французского и немецкого языков «Зрелище вселенные», 1793 г., и «Ручная математическая энциклопедия», 1826 г. Это издания, по которым учился Лермонтов.

Особый интерес вызывает изданная в 1818 г. в Москве книга «Описание военных действий Александра Великого, царя Македонского» с гравюрами А. Грачева. А Шан-Гирей вспоминал, что Лермонтов в детстве «лепил из крашеного воску целые картины: охоту за зайцем с борзыми, которую раз всего нам пришлось видеть, вылепил очень удачно, также переход через Граник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом и косами из фольги»². Многофи-

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 70.

² Там же, стр. 35.

гурные композиции гравюр А. Грачева, изображающие Александра Македонского при Гранике и Арбеллах, дают хорошее представление о затерянных восковых картинах Лермонтова, их масштабе и сложности. Рисунки «На горячих водах» (1825 г.) и «Отряд древних воинов» (1826—1827 гг.) подтверждают слова А. П. Шан-Гирея, что уже «тогда Лермонтов рисовал акварелью довольно порядочно».

Домашнее воспитание в Тарханах было так хорошо поставлено, что через год после переезда в Москву и соответствующей подготовки Лермонтов поступает сразу в 4-й класс Московского благородного университетского пансиона. О его успехах говорит выставленная в доме-музее фотокопия письма к М. А. Шан-Гирею, в котором Лермонтов делился с «милой тетенькой» своими радостями.

Не только добрые воспоминания связаны у Лермонтова с тарханским домом. Детство было омрачено семейной трагедией.

Лермонтов рано потерял мать — ему не исполнилось еще и трех лет. Сын Марии Михайловны запомнил только ее похороны да песню, которую она певала ему, уже угасая. В зале дома-музея находится старинное фортепьяно, здесь же приводятся лермонтовские слова: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» (VI, 386). Грустные звуки песни потрясали все существо ребенка и надолго удержались в памяти. «Как некий сон младенческих ночей или как песня матери моей», — скажет юный поэт, стремясь передать прелесть одного увиденного и восхитившего его образа (I, 143).

Мучительные переживания причиняла Лермонтову в пору его детства и юностиссора бабушки и отца. Е. А. Арсеньева не отдала ребенка Ю. П. Лермонтову. В своем духовном завещании она мотивировала это желанием

«воспитать внука при себе и приготовить на службу его императорского величества», «сохранитьнюю честь, свойственную званию дворянина»¹. В завещании явственно слышатся отзвуки давних распрай, взаимной неприязни, денежных счетов. Этот документ, написанный 10 июня 1817 г., формально решил спор о том, кому воспитывать ребенка. Самым главным доводом стала бедность Юрия Петровича и согласие Е. А. Арсеньевой завещать все состояние внуку, если он до полного совершеннолетия останется при ней. Задолго до утверждения завещания, спустя девять дней после смерти жены, Ю. П. Лермонтов навсегда уехал в свое имение Кропотово Тульской губернии.

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть, —

отозвался поэт на смерть отца в 1831 г.

Юношеские драмы «Люди и страсти» и «Странный человек», построенные на обширном автобиографическом материале, говорят, как остро реагировал Лермонтов на семейный конфликт.

В этих произведениях ярко запечатлены и жизнь деревенской помещичьей усадьбы, и крепостной быт, жестокость, издевательства над дворовыми, эгоизм, лицемерие и ханжество помещиков. Проходя мимо горок посуды и фарфора в столовой и чайной дома-музея, нельзя не вспомнить сцену из трагедии «Люди и страсти», в которой помещица Марфа Ивановна Громова грозится отправить мальчика-слугу на конюшню за разбитую фарфоровую чашку.

Прототипом Марфы Ивановны Громовой послужила в известной степени Е. А. Арсеньева, а в основу образа служанки Дарьи положены черты тарханской ключницы Дарьи Григорьевны Куртиной, пользовавшейся полной

¹ ЛН, т. 45—46, стр. 634.

доверенностью своей госпожи. «Купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью», — просила в 1835 г. Арсеньева Лермонтова.

Е. А. Арсеньева, энергичная помещица, умевшая хорошо вести свое хозяйство, гордая, властная и независимая женщина, какой запомнили ее современники, всю жизнь посвятила воспитанию внука и заботе о нем. Не желая расставаться с ним, она с 1827 г. осталась жить в Москве. Прошли годы, Лермонтов вышел из пансиона, оставил университет, переехал в Петербург и в декабре 1834 г. был выпущен из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. Все эти годы бабушка не покидала его. Но засуха 1833—1834 гг. ухудшила положение в Пензенской губернии, а для гвардейского офицера требовались деньги. Поэтому летом 1835 г. Арсеньева приехала в Тарханы и деятельно занялась хозяйством, с нетерпением ожидая приезда любимого внука.

Отпуск «по домашним обстоятельствам в Пензенскую и Тульскую губернию» удалось получить лишь в самом конце 1835 г., и 20 декабря Лермонтов выехал из Петербурга. Задержавшись на два дня в Москве, он прибыл в Тарханы 31 декабря. «Я через 26 лет в первый раз встретила новый год в радости: Миша приехал ко мне накануне нового году. Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало», — писала Арсеньева своей знакомой¹.

Пребывание в Тарханах в 1836 г. оставило заметный след в жизни и творчестве Лермонтова. Он много читал и писал, радуясь, что из-за сильных метелей соседи-помещики не докучали своими визитами. В Тарханах все напоминало прежние годы. Его встретили та же барская усадьба, село, многие знакомые лица. По-прежнему в

¹ ЛН, т. 45—46, стр. 648.

селе жила «мамушка» (так он звал свою кормилицу Лукирью Алексеевну Шубенину), но теперь в ее семье нашел приют старый солдат Василий Федоров, участник Бородинского сражения. Слушал, наверное, не раз Михаил Юрьевич его рассказы! Не вывелась и удалая русская потеха — кулачные бои. Один из них особенно запомнился тарханцам: его видел Лермонтов. Довольный боем, он щедро одарил участников. «Молодым барином — царство ему небесное! — было роздано тогда 25 десятин лесу. Все тогда и избы и изгороди справили», — рассказывала в 1881 г. 80-летняя крестьянка Аграфена Петровна Ускокова¹. Может быть тогда и пришла Лермонтову мысль написать поэму о русском народе, его национальном характере — «Песню про купца Калашникова».

Мучительные размышления вызывали недавние события: запрещение цензурой «Маскарада», замужество любимой с юности В. А. Лопухиной. Она против своей воли была выдана за богатого помещика Н. Ф. Бахметева. Перед новым годом в Москве с нею состоялась мимолетная встреча. В произведениях, над которыми Лермонтов работал в Тарханах, — поэме «Сашка» и драме «Два брата» — теме безнравственности семейных отношений в дворянском обществеделено много места. В семейных сценах «Двух братьев» заключен резкий приговор такому порядку вещей, когда лучшие чувства человека уродуются денежными отношениями. «Миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут все», — говорит Юрий Радин (V, 407).

Первую попытку дать развернутую биографию современного героя Лермонтов предпринял в поэме «Сашка». Человека своего времени поэт показал в сложных взаимоотношениях с общественной средой, под влиянием ко-

¹ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество, стр. 229.

торой формируется характер героя. Тема судьбы поколения раскрывается на широком материале русской действительности. При создании поэмы Лермонтов использовал некоторые моменты собственной жизни, автобиографичность поэмы подчеркивают многочисленные лирические отступления. Много внимания уделено изображению провинциальной дворянской усадьбы, в бытовых подробностях чувствуется влияние тарханской обстановки.

Официальной причиной отпуска была представлена необходимость явиться в Тульскую губернию для разделя с сестрами отца имения Кропотово. Ехать Лермонтову не хотелось, он оформил в Чембарском суде доверенность на имя Г. В. Арсеньева. В Чембаре Лермонтов познакомился с семьей ссыльного поляка Шумского, интеллигентного и образованного человека. В доме Шумских была хорошая библиотека, и Лермонтов несколько раз навещал их. В Чембар поэт приезжал также, чтобы оформить свидетельство по болезни для отпуска.

В тарханском доме Лермонтову принадлежали две смежные комнаты с окнами, выходящими на юг, в парк. С их расположением полностью совпадает описание в ремарке к 4-му акту драмы «Два брата»: «Большая заброшенная комната... С левой стороны виден коридор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестница; направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон» (V, 427).

Желтые обои своих комнат вспоминал Лермонтов в стихотворении «Первая любовь». С широкого балкона открывается вид на парк, село с церковью, Большой пруд, синие дали.

Подлинная мебель из дома Арсеньевой (четыре кресла, обшитые желтой матерней), зеркало, личные вещи поэта переносят нас в лермонтовское время и невольно заставляют поверить в его незримое присутствие. В книжном шкафу красного дерева много книг. Хотя тар-

ханская библиотека и книги Лермонтова до нас не дошли, многое из того, что читал поэт, удалось установить. Выставленные в комнатах поэта книги — экземпляры тех изданий, которые он держал в руках. На особом месте издание сочинений Байрона. Его стихи Лермонтов перечитывал в Тарханах в 1836 г. и пометил 2 февраля свой вольный перевод «Умирающего гладиатора». На стене портрет английского барда — литография.

Комната привлекает мемориальными вещами. Пенковая, в золотой оправе и с янтарным мундштуком трубка английского производства 1840 г. передана в музей дальним родственником поэта Владимиром Михайловичем Лермонтовым в 1946 г. Поэт оставил ее у Михаила Николаевича Лермонтова, и как семейная реликвия она перешла к его сыну Александру Михайловичу, а затем Владимиру Михайловичу.

Надпись на черной жестяной папиросочнице с изображением собаки сеттера — еще одно свидетельство неправоты тех мемуаристов, которые старались представить поэта человеком с неуживчивым характером, презиравшим людей и не имевшим друзей. На внутренней стороне крышки написано: «Лермонтов — убит Мартыновым в Пятигорске 1841-го июля 15-го. Грустное воспоминание ! Подарена Лермонтовым А. Г. Реми». С корнетом А. Г. Реми, товарищем по лейб-гвардии Гусарскому полку, поэт встретился в 1841 г. по пути на Кавказ и на память о встрече оставил ему свой портсигар.

Как горькая память о погибшем Лермонтове долгое время хранилась шкатулка орехового дерева с бронзовыми инкрустациями. В описи оставшихся после гибели Лермонтова вещей, составленной Пятигорской военной комендатурой, шкатулка значится под № 11. В ней поэт держал документы. Дядька поэта Андрей Иванович Соколов, получив шкатулку от Е. А. Арсеньевой на память о своем питомце, бережно хранил ее в своей семье. Его потомками она передана в музей. Многое дум вызывает

простая фарфоровая чернильница с фигуркой льва. Это чернильница великого поэта! До 1907 г. она находилась в имении Афанасия Алексеевича Столыпина Лесной Неловке. Полное представление о Лермонтове-художнике дают его работы, экспонированные в этих комнатах.

«Картины и рисунки Лермонтова... овеяны духом гениальности Лермонтова, все они таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные куски его зрительных впечатлений. Когда на них смотришь, яснее понимаешь «степень взаимной зависимости между Лермонтовым-художником и Лермонтовым-писателем», — писал Н. П. Пахомов, автор единственного серьезного исследования о живописном наследстве поэта¹.

Рисунок «Схватка» в альбоме Д. Нарышкина, близкого знакомого Лермонтова, набросан еще в ученической манере, но в нем уже заметны элементы композиции, хорошо передающие динамику батальной сценки.

Рисунок карандашом в альбоме Солнцевых сделан Лермонтовым после возвращения из первой ссылки в Петербурге в 1838 г. Он изображает женщину в декольтированном платье и носит явно портретный характер. Рисунок лаконичен, движение карандаша уверенное, немногие штрихи передают задумчивое выражение молодой женщины.

Под рисунком подпись поэта.

Картина маслом, хранящаяся в музее, традиционно называется «Кавказский вид близ селения Сиони». Это самое большое живописное полотно Лермонтова. В величественных горах, ущелье, высокой башне и других деталях чувствуются характерные особенности грузинского пейзажа. Золотисто-коричневый колорит гор, яркая синева неба показывают тонкое ощущение художником цвета. Лермонтов, видимо, дорожил этой картиной, так

¹ ЛН, т. 45—46, стр. 79—80.

как в несколько измененном виде перенес этот сюжет на литографский камень. Автолитографию Лермонтов назвал «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби».

П. Е. Сазонова, от которой в 1896 г. картина поступила в Пензенскую библиотеку имени М. Ю. Лермонтова, сообщила, что картина была написана поэтом для Е. А. Арсеньевой. После организации музея она снова заняла свое место в тарханском доме.

С чувством приобщения к жизни поэта и его внутреннему миру покидает посетитель комнаты Лермонтова.

По другую сторону узкого коридора в том же мезонине располагаются комнаты Е. А. Арсеньевой, обставленные мебелью времен Екатерины II. В обстановке имеется комод из тарханского дома и другие мемориальные предметы. На видном месте выставлены искусно сделанные парадные носовые платки (батист с вышивкой гладью и кружевами валансьен). Один принадлежал М. М. Лермонтовой, на нем вышито имя владелицы, другой, с гербом Столыпиных, — Е. А. Арсеньевой. Бабушка Лермонтова сама увлекалась вышивкой. Известно, что собственноручно изготовленный бювар с вышивкой шерстью она подарила преподавателю Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров О. М. Петухову после выпускных экзаменов своего внука. Стены комнат Арсеньевой украшены старинными вышивками, изображающими целые картины с обычными для того времени сюжетами.

В переднем углу комнаты, которая представляет собой рабочую комнату тарханской помещицы, висит икона старинного письма «Спас Нерукотворный». Она находилась у Арсеньевой до гибели внука. Дальнейшая история рассказана П. К. Шугаевым в статье «Из колыбели замечательных людей»: «Тот образ Спаса Нерукотворного, коим когда-то Елизавета Алексеевна благословлена еще ее дедом, которому она ежедневно молилась о здравии Мишеньки, когда узнала о его смерти, она прика-

зала отнести в большую каменную церковь, произнеся при этом: «И я ли не молилась о здравии Мишеньки этому образу, а он все-таки его не спас»¹.

На рабочем столике раскрыт номер журнала «Библиотека для чтения» с публикацией поэмы Лермонтова «Хаджи-Абрек». Арсеньева ее читала, дожидаясь внука. В письме к нему 18 октября 1835 г. есть строки: «Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нонешней неистовой любви... Стихи твои я больше десяти раз читала...» (VI, 47).

Миниатюрным портретом Е. А. Арсеньевой на второй стороне обложки альбома Лермонтова оканчивается перечень мемориальных предметов. Изображение на акварели очень схоже с известным портретом маслом. В альбоме поэта 13 рисунков, один из них подписан П. Заболотским, учителем рисования Лермонтова, второй Боборыкиным, возможно товарищем поэта по юнкерскому училищу.

Лермонтов относился к бабушке с вниманием и заботой, был нежен и предупредителен. Однако степень их близости не стоит преувеличивать. По своим взглядам на общественные проблемы они были бесконечно далеки друг от друга. Совершенно недвусмысленным образом это сказалось во время событий, разыгравшихся после дуэли Пушкина с Дантесом. Арсеньева, как пишет В. Н. Бурнашев, полностью поддерживала мнение великосветской черни:

«Все это ежедневно раздражало Лермонтова, и он, всегда такой почтительный к бабушке нашей, раза два с трудом сдерживал себя, когда старушка говорила при нем, что покойный Александр Сергеевич не в свои сани сел и, севши в них, не умел ловко управлять своеенравными лошадками, мчавшими его и намчавшими его, наконец, на тот сугроб, с которого одна дорога была

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 63.

только в пропасть. С старушкой нашей Лермонтов, конечно, не спорил, а только кусал ногти и уезжал со двора на целые сутки»¹.

Готовая на все для счастья внука, умная и любящая женщина не могла понять, что ее питомец с полным сознанием вышел на передовую линию общественной борьбы. Для нее он оставался все еще маленьким и неразумным Мишенькой. «Мишенька по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал неприлично на щет придворных, я не извinyaю его...» — писала Е. А. Арсеньева А. И. Философову².

Не мог Лермонтов сочувствовать и крепостной практике, верной сторонницей которой была Арсеньева, «помещица старого закала»³. Тарханские старожилы много рассказывали, как мальчик Лермонтов бросался защищать дворовых, которых вели наказывать. Арсеньева, хотя и не допускала крайностей в обращении с крестьянами, была хозяйственна и строга. Лучше всего ее характеризуют собственные слова. Объясняя свое пребывание в Тарханах, она писала Лермонтову: «...Мое присутствие здесь необходимо, Степан (приказчик. — В. А.) очень прилежно смотрит, но все как я прикажу, то лучше, девки, молодая вдова замуж не шли и беспутничали, я кого уговаривала, кого на работу посыпала и от 16 больших девок 4 только осталось и вдова, все вышли, иную подкупила и все пришло в прежний порядок» (VI, 470—471).

Окна комнат Арсеньевой выходили на хозяйственный двор, и помещица всегда могла видеть, что делалось в усадьбе.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 189—190.

² А. Н. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова. — См.: ЛН, т. 45—46, стр. 672.

³ М. Е. Меликов. Заметки и воспоминания художника-живописца. — См.: Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 73.

Быту тарханских крестьян лермонтовского времени посвящена экспозиция в доме ключника. Он восстановлен на старом фундаменте по историческим документам в 1968 г.

Открывается экспозиция снимками с гравюры М. Рашевского по рисунку И. Панова и с рисунка П. А. Висковатого «Вид на село из комнат Лермонтова». В витрине выставлены предметы, найденные при раскопках на месте дома: остатки посуды, монеты, костяная фигурка шахматного коня.

Крепостные слуги и крестьянские дети с самого раннего возраста окружали Лермонтова. Для него на большом вязе (остаток дерева находится в доме) дворовые устраивали качели. Недалеко от усадьбы начинались два ряда крестьянских домов. В метрической книге из церкви Марии Египетской приводятся имена некоторых крестьян. В записи за март 1815 г. рядом с именами «гвардии поручицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, ее зятя корпуса капитана Юрия Петровича Лермонтова, жены его Марии Михайловны и их сына Михаила (в возрасте полутора лет)» записаны имена нескольких крестьян, и среди них Андрей Иванович Соколов, сопровождавший Лермонтова в течение всей его жизни и доставивший в Тарханы его прах из Пятигорска. А. И. Соколов долгое время жил в доме ключника.

С самого рождения к Лермонтову была приставлена кормилица Лукерья Алексеевна Шубенина. С сыном дворового Абрама Филипповича Соколова Иваном мальчик Лермонтов был особенно дружен и в 1836 г. взял его с собою в Петербург¹.

Изобразительные материалы (выделяется акварель первой четверти XIX века «Почтовая станция»), рисунки Лермонтова, старинная одежда, посуда, предметы домашнего обихода позволяют наглядно представить

¹ Подробнее о крестьянском окружении Лермонтова см. ст. П. Вырыпаева «Лермонтов и крестьяне». — ЛН, т. 58, 1952.

крестьян, их образ жизни, бытовой уклад. Почти все предметы быта и орудия труда, а их в экспозиции больше ста, собраны в селе Лермонтово у потомков бывших крепостных.

Наблюдая жизнь крестьян, Лермонтов сумел понять сложный внутренний мир простого человека и создать интересные образы людей из народа.

Прямодушный Иван, слуга Юрия Волина, по-своему сложная ключница Дарья («Люди и страсти»), старая служанка Аннушка («Странный человек»), верный Федосей, молодая солдатка, крепостные Палицына («Вадим») и многие другие образы создают в целом впечатляющую картину крестьянского мира. У тарханских крестьян учился Лермонтов живой народной речи, они открыли ему неиссякаемый источник народной поэзии в песнях, хороводах, играх и гуляньях. Народное понимание красоты и стремление ее выразить проявились в самых простых вещах, и Лермонтов уловил это («с резными ставнями окно», II, 177). Экспонаты: одежда, образцы вышивок, ткани, ручные орудия труда, уникальные изобразительные материалы начала XIX века, картина маслом «Семик», запечатлевшая хоровод крестьянских девушек, акварель «Русская пляска» — наглядно подтверждают это. Народно-поэтические мотивы пронизывают большую часть произведений поэта. В «Песне про купца Калашникова» постигнут дух и характер народа, его поэтический язык. Небезынтересно узнать, что фамилия Калашниковых бытовала в Тарханах (фотокопия судебного дела по обвинению крестьянина села Тарханы Ивана Калашникова)¹. Но видел Лермонтов и другую сторону крепостной действительности.

Недалеко от усадьбы те же самые мужики и бабы, которые привлекали поэта своим духовным миром, гнулись на барщине.

¹ ГАПО, ф. 23, оп. 1, ед. хр. 131.

О примитивном натуральном хозяйстве можно судить по многочисленным орудиям труда, выставленным в доме. Лермонтов с глубоким уважением относился к крестьянскому труду, только такой человек мог написать:

С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно... (II, 177)

Но с темой труда неразрывно связана другая — тема страданий народа и его протеста.

Ревизские сказки о ссылке Арсеньевой крестьян в Сибирь и отдаче в рекрутчи, документы о положении крестьян, среди них «Определение Пензенской палаты уголовного суда от 17 января 1819 года о наказании крестьянина Арсеньевой Фадея Дмитриева за побег от помещицы и фальшивый билет», делают понятным, откуда возник тот авторский гнев, который питал «Предсказание», «Жалобы турка», роман «Вадим», сцены «Странного человека», стихотворение «Прощай, немытая Россия» и другие произведения.

Еще в более резких формах «барство дикое» проявлялось в других деревнях и селах Чембарского уезда. Разбойничими выходками и жестокостью была известна семья П. А. Мосолова, помещика села Поляны. В 1828 г. под суд была отдана за истязание крестьян владелица села Пачелма М. Я. Давыдова. Ее дети Николай и Пелагея воспитывались вместе с Лермонтовым в Тарханах. В 1828 г. началось судебное дело о помещике Полдомасове, который довел поборами своих крестьян до полного разорения.

Ненависть народа находила выход в стихийных бунтах, прокатившихся широкой волной по России в 20-х и 30-х годах. «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи» (VI, 15) — так объяснял Лермонтов в «Вадиме» восстание Пугачева, и слова эти относились не только к исто-

рии. С 1826 по 1830 г. в Чембарском уезде не повиновались властям крестьяне села Невежкино, оказав вооруженное сопротивление войскам. Воинской силой усмирялись волнения в селениях помещика Богданова.

На фоне таких фактов особое внимание привлекает документ, ярко свидетельствующий о гуманизме Лермонтова. В одной метрической книге крестьяне села Тарханы Варвара Антонова, Кирилл Лаврентьев и Николай Григорьев отметились как вольноотпущеные, свободу которым дал Лермонтов. Среди тарханских крестьян о Лермонтове сохранилась добрая слава. Тогда они вряд ли могли знать, что сделал своим художественным словом для их освобождения Лермонтов. Но они видели его добре личное отношение к ним. Экспозиция о жизни тарханских крепостных заканчивается словами Н. А. Добролюбова: «Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта»¹. Это относится как к Лермонтову-поэту, так и к Лермонтову-человеку.

Местом частых встреч Лермонтова с народом была и домовая церковь с престолом во имя Марии Египетской — красивое и стройное здание в стиле ампир, с колоннами и портиками, построенное в 1820 г. Хотя сначала домовая церковь предназначалась только для семьи помещицы, но с 1826 по 1840 г., за неимением в селе другой церкви, в ней совершалась служба для всего прихода. Здание церкви сохранилось без изменений до наших дней. Интерьер восстановлен на основе фотографии 1925 г., когда старинный иконостас был разрушен. В церкви находится церковная утварь, имеющая мемориальное значение. Следует выделить икону Архангела Михаила, лицо которого имеет большое сходство с лер-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, 1934, стр. 238.

монтовским. Надпись, сделанная по старой орфографии, недвусмысленно говорит: «Обличие Архангела Михаила списано с портрета Лермонтова, работы художника Будкина»¹. Интересны Андрей Первозванный, копия с картины художника Лосенко, сделанная по заказу Е. А. Арсеньевой, икона богоматери и другие.

Эти предметы видел Лермонтов. В небольшой витрине помещены церковные метрические книги. Имя Лермонтова встречается часто. Он был воспреемником новорожденных в семьях многих дворовых. Так, в июле 1822 г. крестниками «госпожи Арсеньевой внука Михайлы Юрьича» стали сыновья дворовых Степана Иванова и Николая Васильева, в августе — сыновья дворовых Ефрема Яковлева и Ивана Петрова.

Народное отношение к богу, религии, несомненно, повлияло на Лермонтова. Внук тарханской барыни, религиозной и благочестивой, построившей в своем имении три церкви, стал впоследствии одним из самых ярких вольнодумцев, бросивших вызов богу, автором большого числа богооборческих произведений, бессмертной поэмы «Демон». Не помогли ни поездки в Нижнеломовский монастырь, ни путешествие в Киев к святым местам, куда брала Арсеньева внука.

Равнодущие народа к церковным проповедям Лермонтов хорошо замечал. Выразительны шутливые строки одного стихотворения:

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп, отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;
Лишь начнет — хоть плачь заране...

¹ В последнее время появились работы, в которых делается попытка доказать, что портрет Лермонтова в форме корнета лейб-гвардии Гусарского полка создан П. З. Захаровым. Думается, что надпись на иконе определенно свидетельствует об авторстве Ф. Будкина.

А смотри, как силен Враг!
Только кончит — все миряне
Отправляются в кабак¹.

Тарханские священнослужители повышенной нравственностью отнюдь не отличались. С приездом Лермонтова в Тарханы летом 1828 г. совпало следствие, проводившееся по причине ссоры и драки, затеянной священником, дьяконом и пономарем во время молебна в доме крестьянина Матвея Родионсва. Священник Федор Макаров, определенный в село в 1795 г., стал неисправимым пьяницей. В конце 1816 г. Арсеньева просила пензенского епископа удалить его из села, как «весма буйного и пьяного». От тарханских крестьян летом 1829 г. поступило в духовное правление прошение об удалении священника Василия Карпова за дурное поведение².

К кругу знакомых Лермонтова следует отнести священников Алексея Тулузакова и Григория Воронова, данные о которых приводятся в «Ведомости о церкви села Яковлевского, Тархан тож за 1836 год». Лермонтов не отличался усердием в выполнении религиозных обрядов, но на молебне, устроенным бабушкой в честь его приезда в Тарханы, он, конечно, присутствовал. Оба тарханских священника и пономарь были под судом и штрафованы, Тулузаков с 1823 по 1827 г. справлял должность благочинного и уволен от нее за неправильно учиненное следствие³.

¹ М. Ю. Лермонтов. Избр. произведения. В 2-х т. Т. 2. М. — Л., «Сов. писатель», 1964, стр. 7.

² См.: Е. Самойлов. Это было при Лермонтове. — «Пензенская правда», 1966, 20 марта. Приведя интересные факты, Е. Самойлов повторил распространенную в литературе о Тарханах ошибку о безрелигиозности крестьян тарханского прихода. В действительности несоблюдение обрядов православной церкви, отказы от исповеди и причастия объясняются тем, что большинство жителей Апалихи и Дерябихи были раскольниками.

³ ГАПО, ф. 182, д. 1392, лл. 55—58.

В домовой церкви помещен манифест Николая I от 12 мая 1826 г. и предписание Чембарского земского суда тарханским священникам. Обеспокоенное событиями на Сенатской площади, правительство Николая I больше всего боялось народных волнений. Слухи о восстании разошлись по всей стране. Докатились они и до Чембарского уезда. Среди арестованных были лейтенант флотского гвардейского экипажа Д. Н. Лермонтов и чебарцы И. И. Горсткин, братья А. П. и П. П. Беляевы. В крестьянской массе пробудились надежды на улучшение своей участи, повсеместно распространялись слухи о скором даровании воли, об арестах декабристов. С мечтой о свободе снова рождались чувства протesta и гнева. Пресечь народные надежды — такую цель преследовал царский манифест.

«Всякие толки о свободе казенных поселян от платежа податей, а помещичьих крестьян и дворовых людей от повиновения их господам суть слухи ложные... — говорилось в нем. — Если и за сим нашим повелением открется какой-либо беспорядок между казенными поселянами или помещичьими крестьянами и дворовыми людьми по ложным слухам о свободе от платежа податей или от законной власти помещиков, то виновные навлекут на себя справедливый наш гнев и немедленно будут наказаны по всей строгости законов». Не полагаясь на действие манифеста, власти одновременно принимали другие, более действенные меры. Оригинал предписания тарханским священникам от 5 июня 1828 г. гласит: «Препровождаемый при сем экземпляр с высочайшего... манифеста, в 12 день мая состоявшийся, благоволите в каждое воскресенье и каждый праздничный день оный читать в церкви в течение шести месяцев внятно и вразумительно, дабы каждый хорошо вразумился».

О разглашателях ложных слухов и толков, коль скоро вы кого заметите, тотчас о том известите (фамилия неразборчива), который по вашему объяснению имеет долг

взять под стражу и представить к суду для поступления с ним по всей строгости законов».

Двенадцатилетний Лермонтов, слушавший в тарханской церкви царский манифест, смутно чувствовал, какие непримиримые противоречия разделяли самодержавие и народ, и через четыре года написал свое грозное предсказание:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет... (I, 136)

Так в напряженных раздумьях осмысливались «первоначальны впечатленья».

Ежегодно десятки тысяч человек посещают Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Чем привлекают их простое русское село и старая помещичья усадьба? Они приходят к Лермонтову. Как нигде, здесь раскрываются «корни поэта», пробуждаются потоки ассоциаций с его произведениями, интеллектуальные и эмоциональные переживания.

Об этом рассказывают сами посетители в книге отзывов о музее. Вот некоторые записи:

«Тарханы, Лермонтов — это жило в душе моей с детских лет, когда я был еще деревенским ребенком. Лермонтов — первый, кто потряс меня на всю жизнь и остается навсегда любимым поэтом. Я мечтал увидеть Тарханы, дом, где он жил в раннюю пору своей жизни. Понятно мое волнение, когда я увидел эти места. Эти дорогие минуты я не забуду до гроба. Кажется, что почувствовал живого, трепетного, с огненной душой Михаила Юрьевича» (Ф. Гладков).

«Этот скромный домик, эти тенистые аллеи, эти тихие пруды и бесконечный простор говорят сердцу и воображению не меньше, чем многие тома о жизни и творчестве Лермонтова» (Ираклий Андроников).

«С волнением переступая порог дома, в котором жил наш великий Лермонтов, я с таким же волнением остав-

ляю его с тем, чтобы еще и еще раз вернуться сюда, отвесив низкий поклон тому, чей голос «звучал как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных» (Окуленко, учительница из Оренбургской области).

«Рады, что есть в России места, столь близкие сердцу человека, как «Тарханы» (москвичи, несколько фамилий).

«Прикосновение к миру, близкому Лермонтову, останется в нашей памяти надолго» (Селяева, Глазкова, г. Саратов).

«Каждая травинка, каждый уголок, каждая комната дышит стихами неповторимого гения Лермонтова. Идешь по дорожкам парка, и не хочется ни о чем говорить — с языка срываются только строчки его стихов. Все здесь мило и приятно. Увозим теплые чувства к пензенской земле» (жители города Ульяновска).

Литературная экспозиция

*Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки...*

М. Ю. Лермонтов (1, 47)

Литературная экспозиция музея продолжает рассказ о жизненном и творческом пути поэта, с началом которого посетитель успел хорошо ознакомиться по подлинным памятникам тарханской усадьбы. В литературной экспозиции (около 800 экспонатов) особый упор сделан на главнейшие произведения поэта, строится она по хронологическому принципу в основном на подлинном материале лермонтовской эпохи: документах, старинных гравюрах, литографиях, картинах, рисунках, редких изданиях произведений поэта. В оригиналах представлены работы лучших советских художников-иллюстраторов.

Первый раздел посвящен московскому периоду.

«...Москва есть и всегда будет моя родина. Я в ней

родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив», — писал Лермонтов (IV, 705).

Переехав из Тархан в Москву и поступив 1 сентября 1828 г. в 4-й класс Московского благородного университетского пансиона, Лермонтов оказался в среде своих сверстников, где были очень сильны литературные интересы. В свое время в пансионе учились В. А. Жуковский и А. С. Грибоедов; преподаватели С. Е. Раич и М. Г. Павлов, А. Ф. Мерзляков сами занимались литературой и поощряли своих воспитанников. Издавался рукописный журнал «Утренняя заря». Живы были революционные традиции, из бывших воспитанников пансиона многие пошли на каторгу и в ссылку, П. Г. Каховский был казнен.

Запрещенные стихи Пушкина и Рылеева ходили по рукам в списках, будили дух протesta, заставляли задуматься о тяжелой жизни народа и путях его освобождения. Ранняя лирика Лермонтова выдержана в декабристских тонах. Осмысливая свои впечатления о народной жизни, Лермонтов в «Жалобах турка» гневно говорит о рабстве, «Предсказание» рисует грозные картины народной революции и мести. Юный поэт осознает свою самобытность, он «не Байрон», «а другой, еще неведомый избранник». Автографы ранних стихов и номер журнала «Атеней» за 1830 г. со стихотворением «Весна», первым выступлением Лермонтова в печати, являются наиболее интересными экспонатами.

Московский университет, где Лермонтов учился с 1 сентября 1830 г. по май 1832 г., ожесточенные споры студентов «о боге, о вселенной», отзвуки общественно-политических событий в России, как дело Сунгурова, французская революция 1830 г., углубили общественную и литературную позицию Лермонтова. Тираноборческие строки стихотворения «30 июля» (в экспозиции под французской карикатурой на Карла X), «радищевские» сцены драмы «Странный человек» (иллюстрации художника С. С. Бойма) дают яркое представление о направленности

творчества Лермонтова университетской поры. О лирических циклах, посвященных Н. Ф. Ивановой и В. А. Лопухиной, напоминают портреты героинь.

Переехав в Петербург и поступив в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в условиях николаевской казармы Лермонтов не прекратил литературного творчества. Экземпляр «Библиотеки для чтения» с публикацией написанной в эти «два страшных года» поэмы «Хаджи-Абрек» и материалы к роману «Вадим» посетитель видит на одном стенде. Проблему мести и народного восстания, настроение романтического протеста Лермонтов пытался выразить на конкретном материале. По словам известного лермонтоведа, в работе над романом «Вадим» автор опирался на источники, связанные исключительно с Пензенским краем¹. Черные акварели Ю. Л. Оболенской, изображающие начало восстания в монастыре (Лермонтов описал Нижнеломовский мужской монастырь) и расправу восставшего народа над барским приказчиком, выдержаны в мрачном колорите этого произведения.

Литографии Лангера с видами Царского села и литография по рисунку В. С. Садовникова «Дом В. В. Энгельгардта в Петербурге» начинают рассказ о службе Лермонтова в лейб-гвардии Гусарском полку и драме «Маскарад». В посетителях костюмированных балов В. В. Энгельгардта, где бывали и члены царской фамилии, Лермонтов сумел разглядеть под маской внешней благопристойности их низменную сущность. Типические обобщения в образах князя Звездича, Казарина, баронессы Штравль, Шприха в самой резкой форме разоблачали светское общество и говорили о его остром неблагополучии. «Я не могу понять, как автор мог бросить вызов костюмированным в доме Энгельгардтов», — сказал цензор Е. Ольдекоп, запретивший пьесу для представления.

¹ И. Андроников. Лермонтов, стр. 102.

Драма была опубликована только в 1842 г. в книге «Стихотворения Лермонтова».

Тонкие акварели замечательного советского графика Н. В. Кузьмина «Князь Звездич и Нина у баронессы Штраль», «Скора Арбенина со Звездичем», «Арбенин и баронесса Штраль», «Нина», «Отравление Нины», «Арбенин, Звездич и Неизвестный» ярко и выразительно передают обличительную силу пьесы. Грандиозная личность Арбенина показана Кузьминым несколько односторонне. Арбенин — больше жертва светского общества, несущая в себе его пороки и привычки, чем мятежный романтический герой, одинокий, страдающий и надеющийся, в котором бушуют трагические страсти.

Имя Лермонтова стало известно всей читающей публике в начале 1837 г. Вся драматическая история создания и распространения стихотворения «Смерть поэта» рассказана музеинными экспонатами. В центре стенда помещены портреты А. С. Пушкина (работы В. А. Тропинина, копия) и М. Ю. Лермонтова (масло, копия). Портрет работы П. Е. Заболотского, один из лучших в посредственной иконографии поэта, сохранил для нас его облик в этот переломный момент его жизни. Автограф первоначальных 56 строк, фотокопии многочисленных списков с крамольными заключительными 16 строками, в которых Лермонтов грозил «палацам свободы, гения и славы» судом истории, составляют идеино-композиционный центр стенда. Враги Пушкина — Л. В. Дубельт, А. Ф. Орлов, К. В. Несслероде — показаны на гравюрах того времени. Посетитель видит тех, кто больше всего виноват в гибели Пушкина, может сравнить рисунок Лермонтова на полях автографа стихотворения с подлинным портретом начальника штаба корпуса жандармов. Сходство Дубельта на обоих портретах удивительно. «Смерть поэта» переписывалась в кафе Вольфа и Беранже на Невском проспекте (литография по рисунку Садовникова). Распространявший стихотворение друг поэта С. А. Раевский (акварель Лермон-

това, копия) пострадал вместе с ним и был сослан в Олонецкую губернию. Лермонтов отправился на Кавказ. Снимок с «Дела о непозволительных стихах корнета Лермонтова» заключает рассказ об одном из самых значительных эпизодов его жизни.

Пребывание на Кавказе в 1837 г. позволило Лермонтову подробно ознакомиться с бытом и нравами горцев, встретиться с сосланными декабристами, возможно, что в это время он познакомился с передовыми людьми Грузии и Азербайджана А. Г. Чавчавадзе и Мирзою-Фатали Ахундовым. Среди многих экспонатов обращают на себя внимание автолитографии А. Орловского «Черкес и черкешенка» и «Горцы на лошадях», тонкая акварель друга поэта художника Г. Г. Гагарина «Казачий пост на Кавказе», его эскиз «Горец», многочисленные рисунки и картины Лермонтова (в копиях).

Самое значительное место в экспозиции занимает творчество поэта после возвращения из ссылки. Номера журнала «Отечественные записки» с публикацией его произведений, единственный прижизненный сборник «Стихотворения Лермонтова», первое издание «Героя нашего времени» показывают тот весомый вклад, который он внес в русскую литературу и общественно-политическую борьбу.

«Вот она, книга, которой суждено никогда не стареться, потому что при самом рождении ее она вспрыснута живою водою поэзии», — сказал В. Г. Белинский о романе Лермонтова¹. Время подтвердило слова великого критика. «Герой нашего времени» неизменно пользовался и пользуется читательским вниманием, оказал огромное влияние на формирование русского социально-психологического романа. Образ Печорина, героя своего време-

¹ М. Ю. Лермонтов в русской критике, изд. 2-е. М., ГИХЛ., 1955, стр. 212.

ни, раскрывающий противоречивую сущность русской действительности, произвел на современников и последующих читателей сильнейшее впечатление. Своим ярко критическим идеино-тематическим содержанием роман отвечал насущным вопросам общественно-литературной борьбы, усиливая прогрессивный лагерь. Роман высоко ценили Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Многократно к роману обращались художники.

Литографии по рисункам М. Зичи не преследовали цели раскрыть психологический облик героев Лермонтова, они обращают на себя внимание тонкой зарисовкой с натуры места действия романа. Пятигорск и Кисловодск показаны такими, какими их видел и описал Лермонтов.

В. Г. Бехтеев известен как один из замечательных советских графиков. Проникновенное понимание классической литературы, яркое воображение художника сказались и в иллюстрациях к «Герою нашего времени». Черные акварели «Бэла и Печорин», «Казбич и Карагез», «Казбич убивает Бэлу», которые принадлежат музею «Тарханы», глубоко интерпретируют образы произведения, сложные переживания героев. Особенно хорошо передал Бехтеев лермонтовский лиризм.

Крупнейшим советским иллюстратором романа является академик живописи Д. А. Шмаринов. В музее три его работы: «Бэла у Печорина», «Княжна Мэри у фортечно», «Печорин перед дуэлью» (черные акварели). Работы Шмаринова подкупают жизненной правдой, стремлением передать наиболее значительные черты героев (например, энергичное, волевое начало в Печорине, его готовность до конца следовать избранному пути), проникновением в их психологию.

Темам «Лермонтов в журнале «Отечественные записки», «Лирика», «Поэма «Мцыри», «Дуэль с Э. Барантом и вторая ссылка на Кавказ»делено много места. Гневно-грустная «Дума», осуждающая поколение, «дремлющее в бездействии», изумительная по своей лиричности «Ка-

зачья колыбельная песня», баллада «Воздушный корабль», исполненная страстного порыва к свободе поэма «Мцыри» раскрываются рисунками В. Табурина, Я. Турлыгина, Н. Ушакова. Стихотворение «Как часто пестрою толпою окружен...», написанное под впечатлением бала в Петербургском дворянском собрании, иллюстрировано В. Г. Бехтеевым.

Заключенного под арест за дуэль с Барантом Лермонтова в Ордонанс-Гаузе посетил В. Г. Белинский (картина Николаева). В письме к В. П. Боткину критик сообщал: «Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного. О, это будет русский поэт с Ивана Великого. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого»¹.

Отдельный стенд посвящен поэме «Демон». Первое (берлинское) издание поэмы и список 1841 г. говорят о трудной истории поэмы, занимавшей Лермонтова почти всю его творческую жизнь. Поэма не могла быть напечатана при жизни Лермонтова по цензурным условиям. Но страстный, мятежный пафос поэмы, «с небом гордая вражда» ее героя, богатство философского содержания сделали «Демона» одним из самых замечательных произведений романтической поэзии, которое многие знали еще при жизни автора. Знал и высоко оценил Белинский, переписавший поэму собственноручно для своей невесты М. Ф. Орловой.

Пафос поэмы — в отрицании земного и небесного устройства мира, в защите права личности на свободу.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. II. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 505—506.

Для экспозиции выбраны пять черных акварелей М. А. Врубеля, как самые близкие духу поэмы. «Работая над иллюстрациями к Лермонтову, Врубель откликался на его поэзию как на что-то творчески родственное, он давал отзвук на лермонтовскую поэзию как на нечто изнутри ему близкое, неотторжимое от его собственного бытия. Лермонтов живет во всем творчестве Врубеля. Невозможно говорить об основных темах и приемах Врубеля, не припоминая путей и перепутий творчества Лермонтова. И обратно: изучая Лермонтова, погружаясь в сложную историю создания «Демона» или «Мцыри», невольно входишь в художественную мастерскую Врубеля, ища там соответствий и аналогий к творческому делу Лермонтова» — такую характеристику творческой близости двух великих мастеров дал искусствовед С. Дурылин¹. Факсимильные фотографии, демонстрируемые в музее («Несется конь», «Пляска Тамары», «Демон и плачущая Тамара», «Тамара и Демон у окна», «Демон у обители»), сделаны в размере подлинника, в том же цвете и с тщательной проработкой деталей.

Последний, суровый год в жизни Лермонтова подробно отображен экспонатами. Об участии поэта в военных действиях рассказывает его профильный портрет, нарисованный товарищем по полку поручиком Д. Паленом. Лермонтов вышел живым и непринужденным (гравюра И. Мартюшина). Здесь же копии картин и рисунков поэта, представление к ордену Станислава 3-ей степени и золотому оружию, перечеркнутые Николаем I. Лермонтов был храбрым офицером, хотя и осуждал бесчеловечность захватнической войны.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.

¹ ЛН, т. 45—46, стр. 542—543.

Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем? —

писал он в стихотворении «Валерик» (II, 172).

Кратковременный отпуск в Петербург весной 1841 г. принес поэту желанную встречу с друзьями (литография Р. Б. Рорбаха «Салон Вильегорских» и Л. Вагнера «Портрет А. К. Воронцовой-Дашковой», за появление в доме которой на бале Лермонтов срочно был выслан из столицы). Писатель В. Ф. Одоевский (литография) при прощании с Лермонтовым подарил ему записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную». Заполнить ее поэт не успел, но все стихотворения из нее («Спор», «Сон», «Тамара», «Листок», «Свидание», «Пророк» и другие) вошли в золотой фонд русской литературы.

Стендом о дуэли с Н. С. Мартыновым заканчивается экспозиционный рассказ о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Посетитель видит портреты непосредственного убийцы поэта, его секундантов, А. Х. Бекендорфа и Николая I, отношение которых способствовало раздуванию интриг против Лермонтова.

Грустное и горькое чувство оставляет последнее изображение Лермонтова с натуры (рисунок Р. К. Шведе «Лермонтов на смертном одре» — гравюра И. Матюшина с барельефа Цейдлера, 1884 г.).

Но экспозиция музея заканчивается не этим — большой раздел «Лермонтов и наше время» продолжает повествование о посмертной судьбе поэта. Темы «Лермонтов в театре» (подлинные эскизы декораций В. Д. Замирайло, К. А. Коровина, П. П. Кончаловского, А. Я. Головина, материалы о замечательных актерах Ю. М. Юрьеве и Н. Д. Мордвинове, получившем за роль Арбенина в спектакле театра имени Моссовета «Маскарад» Ленинскую

премию), «Лермонтов в музыке» (произведения Б. В. Асафьева, А. И. Хачатуряна, П. Я. Мясковского, М. М. Ипполитова-Иванова, В. И. Мурадели, Г. В. Свиридова и других), издания произведений поэта, книги о его жизни и творчестве говорят о том, как близок Лермонтов нашему современннику.

Апалиха

*Не зная, что дяденька в Апалихе,
я не писал к нему, но прошу извинения
и свидетельствую ему мое почтение.*

М. Ю. Лермонтов — М. А. Шан-Гирей

(VI, 406)

Частью лермонтовского заповедника является усадьба родственников поэта Шан-Гиреев Апалиха, расположенная в трех километрах от Тархан. В 1825 г. Марья Акимовна Шан-Гирей (ум. в 1845 г.), племянница Е. А. Арсеньевой от старшей сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой, переехала с семьей с Кавказа в Пензенскую губернию.

«Покойная мать моя была родная и любимая племянница Елизаветы Алексеевны, которая и уговорила ее переехать с Кавказа... и помогла купить имение в трех верстах от своего, а меня из дружбы к ней взяла к себе на воспитание вместе с Мишелем, как мы все звали Ми-

хайла Юрьевича», — вспоминал впоследствии А. П. Шан-Гирей, сын Марыи Акимовны¹.

Сельцо Апалиха было приобретено по купчей от 16 июля 1826 г.² К этому времени оно уже имело свою историю. Владельцами Апалихи были однодворец С. И. Репкин, получивший от правительства «30 четвертей за Ломовским и за Мокшанскими валами», «младший поручик флота» М. И. Еропкин, его дочь А. М. Гурьева и внучка Е. А. Савелова.

В имении было 1200 десятин земли, 148 душ крепостных, обширный фруктовый сад, потом владельцы завели конный завод, крупный рогатый скот, тонкорунных шленских овец и пчел³. Но самой важной частью оказалася старый парк, который и привлекает к себе посетителей как памятное лермонтовское место. Поэт посещал усадьбу в 1826—1828 и 1836 гг.

Парк, прекрасный образец садово-парковой архитектуры конца XVIII века, сохранил все свои особенности: строгие линии аллей, чередование декоративных и садовых участков, буйную поросьль кустарников, вековые деревья. Парк искусственно насажен на берегу Милорайки, кругом него только широкие поля и вдалеке небольшие деревеньки. Через весь парк проходит главная аллея из ясеня и березы, поперечные аллеи делят его на геометрически правильные участки.

Извилистая Милорайка, вся в осоке, кувшинках и тростнике, тихо омывает берега. Лермонтовская природа сохранилась в Апалихе в неприкосновенности. Невольно здесь вспоминается поэма «Черкесы», в кавказские пей-

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 34.

² Есть и другое свидетельство А. П. Шан-Гирея, подтверждающее первое: «Имение наше, сельцо Апалиха, куплено единственно на приданые деньги покойной матери моей и на ее имя с содействием ее тетки, Е. А. Арсеньевой» (ГАПО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 2502, л. 115).

³ Данные за 1859 год. ГАПО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 2502, л. 120.

зажи которой ворвались элементы пензенского ландшафта:

Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеяла,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит,
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем. (III, 10—11)

Со всеми членами семьи Шан-Гиреев Лермонтов поддерживал теплые, дружеские отношения. Небогатое эпистолярное наследство поэта начинается четырьмя письмами М. А. Шан-Гирея. Лермонтов сообщает Марии Акимовне об успехах в ученье, посещениях театров, посыпает ей стихи, полемизирует с ее отзывом о трагедии Шекспира «Гамлет». В письмах упоминаются дети М. А. Шан-Гирея; ее муж Павел Петрович Шан-Гирей (1796—1864 гг.) сыграл заметную роль в творческой жизни Лермонтова. Тот собирательный образ русского офицера, который Лермонтов дал в очерке «Кавказец», полностью применим к личности и биографии П. П. Шан-Гирея. Окончив кадетский корпус, он был направлен в 16-й егерский полк на Кавказ и восемь лет принимал участие в покорении горских народов. Особенно отличился он в 1812 г. в преследовании чеченцев на Тереке и Сунже, в течение службы получил два чина, подпоручика и поручика, и в декабре 1818 г. уволился в отставку штабс-капитаном. Его свидетельство об отставке было подписано героем кавказской войны генералом А. П. Ермоловым. Поселившись в Кизляре, П. П. Шан-Гирей по-прежнему оставался в курсе всех военных событий. Интерес к военному быту старый кавказец сохранил до конца жизни, особенно он

любил вспоминать свое участие в войне под руководством генерала Ермолова.

Рассказы знатока географии Кавказа, быта и нравов горских народов несомненно послужили одним из источников для ранних произведений поэта с кавказской тематикой. Поэмы «Черкесы», «Каллы», «Аул Бастунжи», особенно «Измаил-бей» показывают хорошую осведомленность Лермонтова о быте и нравах горцев, имеют под собой реальную историческую основу.

Особенно дружен был Лермонтов со своим троюродным братом Акимом Павловичем Шан-Гиреем (1819—1883 гг.). Вслед за Лермонтовым он поехал в Москву и Петербург, где жил в доме Арсеньевой. Почти все события в жизни Лермонтова происходили на его глазах, был он посвящен в творческие замыслы поэта, хранил многие его рукописи. Так, в 1841 г. он получил от Лермонтова целую связку черновиков. А. П. Шан-Гирей сопровождал Арсеньеву из Петербурга в Тарханы после гибели поэта, разбирал его вещи и рукописи, доставленные из Пятигорска. Арсеньевой был подарен А. П. Шан-Гирею учебник Лермонтова «Книга хваления, или псалтырь» с надписью «Екиму Павловичу Шан-Гирею. Знаю, что тебе приятна будет эта книга — она принадлежала тому, кого ты любил. Читай ее, мой друг. Е. А. 1841». Близость к Лермонтову наложила отпечаток на личность А. П. Шан-Гирея, он стал незаметным, но достойным «героем своего времени». Переехав на Кавказ, он с жаром отдался просветительско-колонизаторской деятельности. Видимо, и здесь не обошлось без влияния Лермонтова. В письме поэта к бабушке от 9—10 мая 1841 г. есть такие строки: «Скажите Екиму Шан-Гирею, что я не советую ехать в Америку, как он располагал, а уж лучше сюда, на Кавказ. Оно и ближе и гораздо веселее» (VI, 459). Находясь на должностях уездного начальника в Нахичевани, Ереване и Шуше, А. П. Шан-Гирей много содействовал хозяйственному росту Кавказа, строительству

дорог и ирригационных сооружений, умел мирить враждавшие между собой многочисленные народности. Авторы единственного биографического очерка об А. П. Шан-Гирее В. А. Мануйлов и С. И. Недумов писали, что во время крестьянской реформы 1861 г. он «был мировым посредником и горячо защищал интересы крестьян»¹. Имеется еще неизвестный документ, который говорит, что его роль в проведении реформы на Кавказе была гораздо значительнее. «В 1850 году я удостоился избрания в предводители своего уезда. В 1858 году был избран в члены от дворянства в губернский комитет по крестьянскому делу и в том же году назначен в оный членом от правительства. В 1859 году отправлен наместником Кавказским к председателю Государственного совета и Кавказского комитета по устройству Ставропольской губернии, в январе нынешнего года избран предводителем Пятигорского уезда, и, наконец, в настоящее время имею честь нести звание мирового посредника», — писал Шан-Гирей в 1862 г.²

А. П. Шан-Гирей помнил Лермонтова, выступал с рассказами о нем, много ценных сведений сообщил автору первой научной биографии поэта П. А. Висковатому. Но самым ценным документом оказались его воспоминания о Лермонтове. С августа 1859 по май 1860 г. А. П. Шан-Гирей жил в Апалихе у отца и брата³, и воспоминания стали результатом его годичного пребывания.

«В последнее время много стали говорить и писать о Лермонтове, по этому случаю возобновились упреки, давно уже слышанные мною от многих родных и знакомых, зачем я не возьмусь описать подробностей его жизни, — писал А. П. Шан-Гирей. — Мне тяжело было будить в душе печальные воспоминания и бесплодные со-

¹ М. Ю. Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960, стр. 252.

² ГАПО, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 2502, л. 121.

³ Там же, л. 122.

жаления; притом же, сознаюсь, и непривычка к литературной деятельности удерживала меня. «Пусть, — думал я, — люди, владеющие лучше меня и языком, и пером, возьмут на себя этот труд: дорогой мой Мишель стоил того, чтоб об нем хорошо написали».

Двадцать лет ждал я напрасно; наконец судьба привела меня в те места, где тридцать три года тому назад так весело проходило мое детство и где я нашел теперь одни могилы. <...> Под влиянием этих чувств я преодолел свою нерешительность и взялся за перо. Не беллетристическое произведение предлагаю я публике, а правдивое описание того, что происходило в жизни человека, интересующего настоящее время»¹.

Мемуары близкого друга М. Ю. Лермонтова оказались одним из самых значительных и содержательных воспоминаний о великом поэте.

Дом в Апалихе не сохранился. Но, проходя по апалихскому парку, следует помнить, что дом Шан-Гиреев долгое время был местом хранения ценнейших рукописей Лермонтова: ученические тетради, записи лекций, читанных в юнкерской школе, копия «Панорамы Москвы», драма «Люди и страсти», поэма «Черкесы» и «Боярин Орша», предисловие к «Герою нашего времени», альбом матери, рисунки и картины дошли до нас благодаря жильцам маленького усадебного дома.

В ближайшем будущем дом намечено восстановить.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, стр. 33.

У могилы Лермонтова

...Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшийся с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

М. Ю. Лермонтов (I, 226)

В центре села, на высоком берегу Большого пруда, за толстой кирпичной оградой, восстановленной по точным документам в 1968 г., находится второй тарханский мемориальный комплекс. Все здания (церковь, часовня и сторожка) сохранились в своем виде со временем их постройки.

Церковь Михаила Архистратига была освящена и стала действовать в 1840 г., строительство же ее длилось 14 лет. Ко времени пребывания Лермонтова в Тарханах в 1836 г. постройка здания была в основном закончена. В «Ведомости о церкви Архистратига Божия Михаила Чембарского уезда села Яковлевского, Тархан тож за 1836 год» говорится: «Строится тщанием означенного села помещицы гвардии поручицы Елизаветы Алексеевны Ар-

сеньевой вместо деревянной за ветхостью уничтоженной. Зданием каменная с такою же колокольнею вчerne строением окончены и покрыты железом, как церковь, так и колокольня, церковь известью внутри оштукатурена; полов при них не имеется, а окончины при церкви имеются; иконостас и с местными образами имеется. Престол в ней назначен один в настоящей холодной во имя Архистратига Михаила, и к ней придельная теплая, на особом месте, построена и освященная 1820 года во имя Марии Египетской, в которой и служба навсегда совершается»¹. Архангел Михаил считался покровителем Лермонтова, и Арсеньева добилась, чтобы в новой церкви был установлен престол его имени вместо Николая Чудотворца, имя которого носила уничтоженная деревянная церковь.

Рядом с церковью стоит небольшая кирпичная часовня — фамильный склеп Арсеньевой. В нем Лермонтов обрел вечный покой.

В конце 1841 г. Е. А. Арсеньева обратилась с прошением на «высочайшее» имя о разрешении перевезти прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы. Отношение министра внутренних дел Перовского, разрешающее Арсеньевой перевезти гроб с прахом внука в свое имение, помечено 21 января 1842 г. Разрешение давалось «с тем, чтобы помянутое тело закупорено было в свинцовом и засмоленном гробе и с соблюдением всех предосторожностей, употребляемых на сей предмет»². Доставить прах Лермонтова Арсеньева поручила своим дворовым: дядьке поэта Андрею Ивановичу Соколову, камердинеру Ивану Абрамовичу Соколову и кучеру Ивану Николаевичу Вертукову. И. А. Соколов и И. Н. Вертуков были в 1841 г. вместе с Лермонтовым на Кавказе, участвовали в его похоронах и затем доставили в Тарханы его вещи. Дворовые люди Арсеньевой, прибыв в Пяти-

¹ ГАПО, ф. 182, ед. хр. 1392, л. 55.

² ЛН, т. 45—46, стр. 638.

горск 27 марта 1842 г., в присутствии пятигорского городского надзирателя Мурашевского и жителей Пятигорска достали деревянный гроб из могилы и положили в приготовленный свинцовый ящик, наглухо запаяв его. В Тарханы прах Лермонтова был доставлен 21 апреля и через день, 23 апреля 1842 г., захоронен в часовен склепе.

Внутри часовни все сохранилось так, как было задолго до открытия музея. Своды часовни расписаны хорошими мастерами, на одной стороне купола изображен бог Саваоф в окружении ангелов, на другой — Михаил Архистратиг с воинством. По всему карнизу под росписями идет надпись: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». На стенах мемориальные иконы — большое полотно «Вознесение Христа», святые Алексей и Мария, Кирик и Улита, Богоматерь Скорбящая. Все это видел Лермонтов, когда приходил на могилы матери и деда. Посредине часовни за железными оградами стоят три памятника. Самый большой, черного мрамора, с белой мраморной урной и бронзовым крестом, поставлен над могилой поэта. На его лицевой стороне сделана простая надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтов», на левой — «Родился 1814-го года, 3-го октября», на правой — «Скончался 1841 года, 15-го июля».

За памятником Лермонтову в одном ряду стоят памятники М. В. Арсеньеву и М. М. Лермонтовой. Надпись на памятнике деду гласит: «Михайло Васильевич Арсеньев. Родился 1768 года, 8 ноября. Умер 1810 года, 2 января». Скромный памятник матери поэта из серого гранита увенчен крестом и сломанным якорем, символом разбитых надежд. Надпись всегда вызывает грустные мысли о ее ранней кончине: «Под камнем сим лежит тело Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, скончавшейся 1817 года февраля 24-го в субботу. Житие ее было 21 год, 11 месяцев и 7 дней».

Все памятники поставлены Е. А. Арсеньевой. Она похоронена в этой же часовне, над ее могилой установлена белая мраморная доска с надписью: «Елизавета Алексеевна Арсеньева, рожденная Столыпина, скончалась 16 ноября 1845 года, 85 лет». В указании возраста допущена ошибка, Арсеньева умерла 73 лет.

Пол часовни выложен кирпичом, могилы, наглухо замурованные, находились под ним. В 1939 г. был проделан ход к гробу Лермонтова, устроена узкая винтовая лестница, по которой можно спуститься вниз. Ход открыт через место первоначального захоронения Арсеньевой, ее останки были замурованы под нишней в стене, на которой установлена памятная урна.

К каменной нише за фигурной железной оградой, где на трех дубовых брусьях стоит свинцовый ящик с прахом великого поэта, ежегодно приходят десятки тысяч человек. Неиссякаемый людской поток лучше всего говорит о бессмертии поэта.

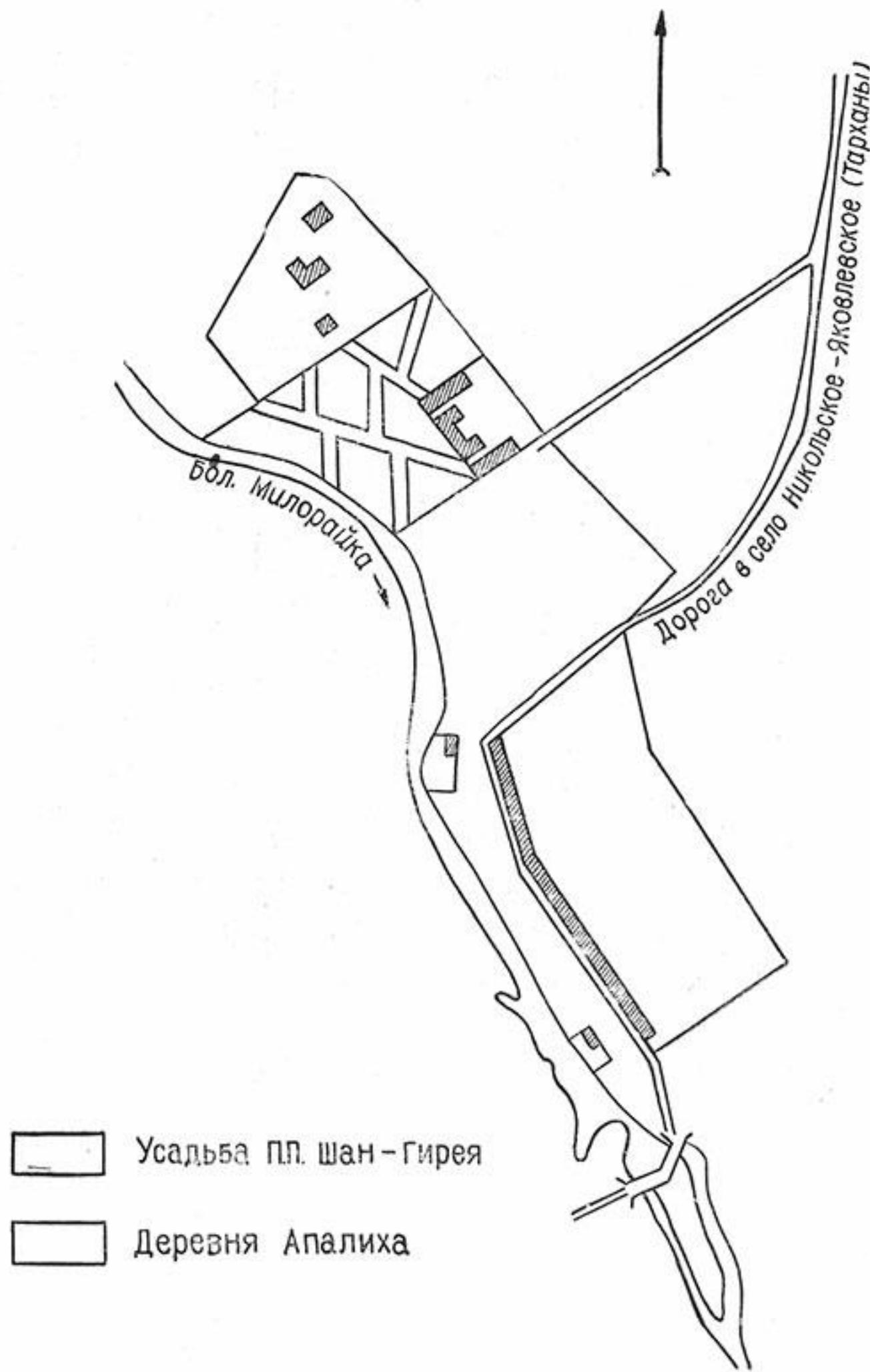
Слева от входа часовню прикрывает раскидистый дуб. Его посадили сразу, когда Лермонтов уже навсегда вернулся в Тарханы, исполнили его высказанное незадолго до смерти желание:

Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел,
(II, 209)

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун,
Под синевой и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

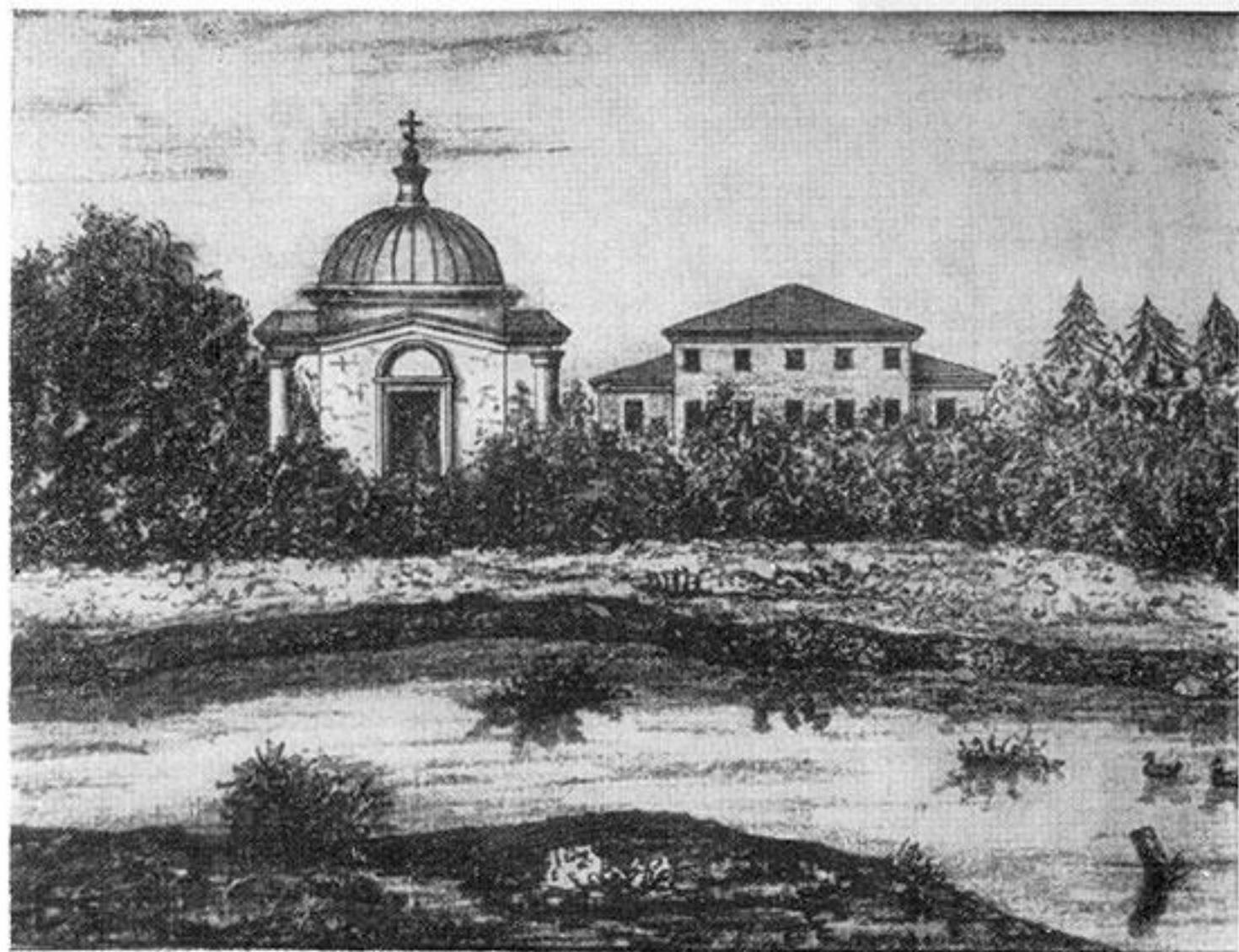
Апалиха. План специального межевания. 1859 г.
(Публикуется впервые.)

Е. А. Арсеньева, бабушка поэта.

В. Х. Хохряков. (Фотография публикуется впервые.)

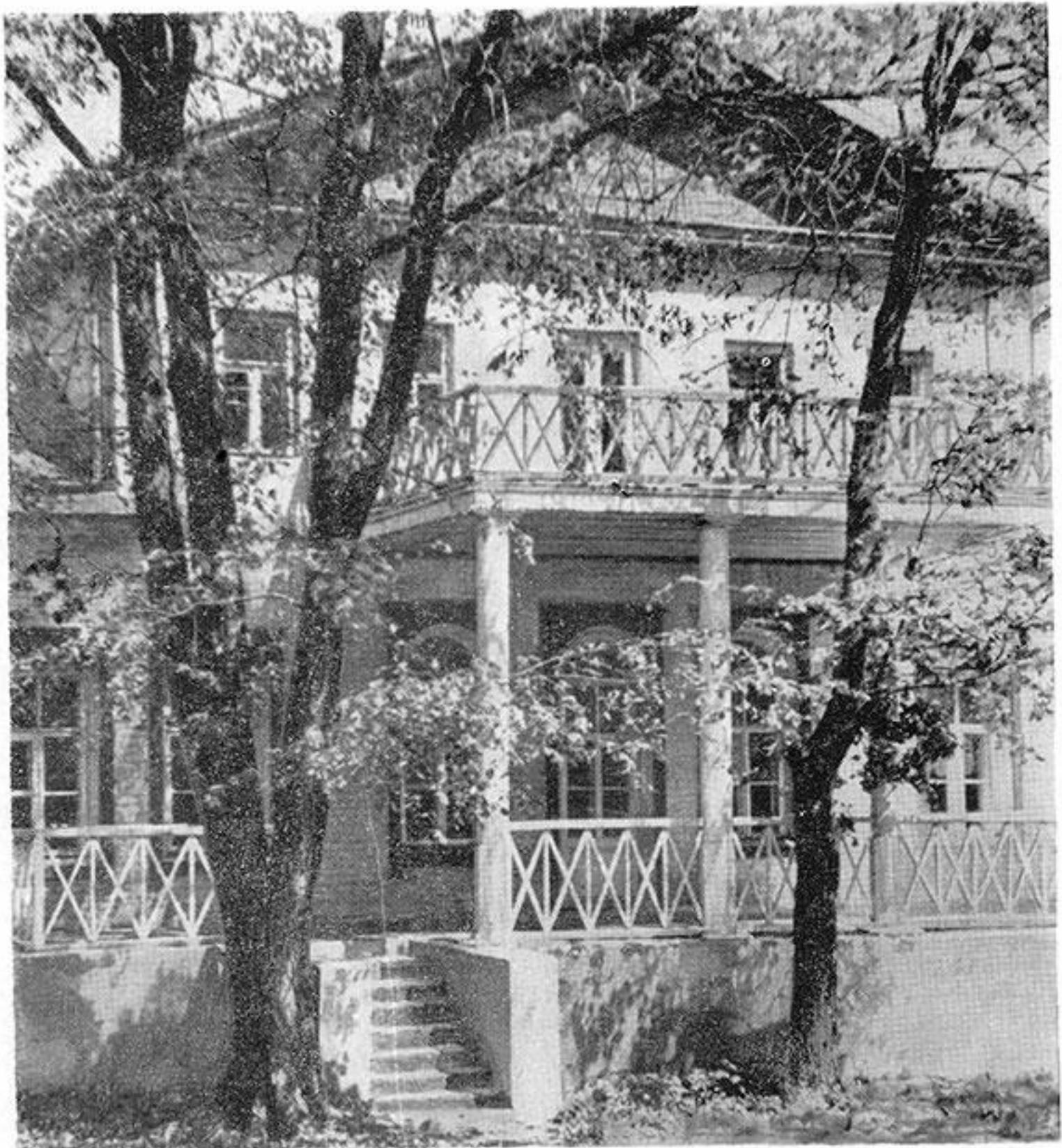
Тарханы. Вид дома и домовой церкви. 1842 г. (Литография
по рис. М. Рудкевича.)

М. Ю. Лермонтов в детстве.

Дуб, посаженный М. Ю. Лермонтовым.

Дом-музей. Вид с западной стороны.

Вид из парка на Большой пруд. Осень.

Барский дом в Тарханах. Вид с восточной стороны. 1883 г.
(Фотография Вакуленко.)

1.

Когда волнуется золотистая нива
И сиротский ~~шум~~ шумит при звуке ветерка,
И прелестно в саду машета листва
Под теплую сладостную зеленою инстанс.

2.

Когда росой ображанный душеством,
Румянец кипит, и в утром час здрав,
Из под зуста мчит поздний серебристый
Приветливо кивает головой;

3.

Когда студеный ветер играет во образу,
И, погружен в сон то спутанной сози,
Ленится над таинственную сизу
Про ~~мирские~~ край откуда изумри он.

4.

Могда апгресат духи мои предо мною,
Могда разбодрятся порушила наезд,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах в веру Божи!...

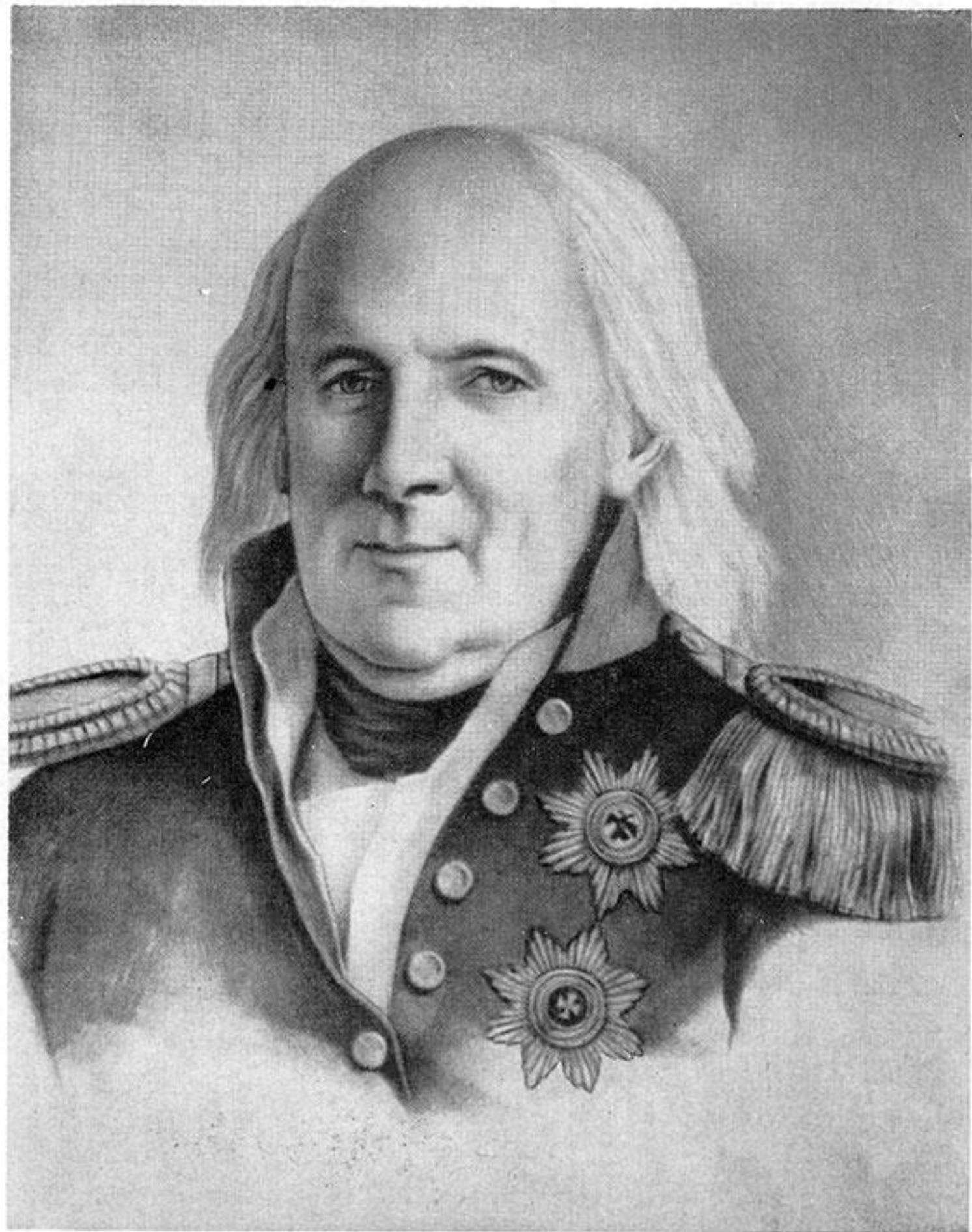
«Когда волнуется желтеющая нива...». (Автограф М. Ю. Лермонтова.)

Ю. П. Лермонтов.

М. М. Лермонтова.

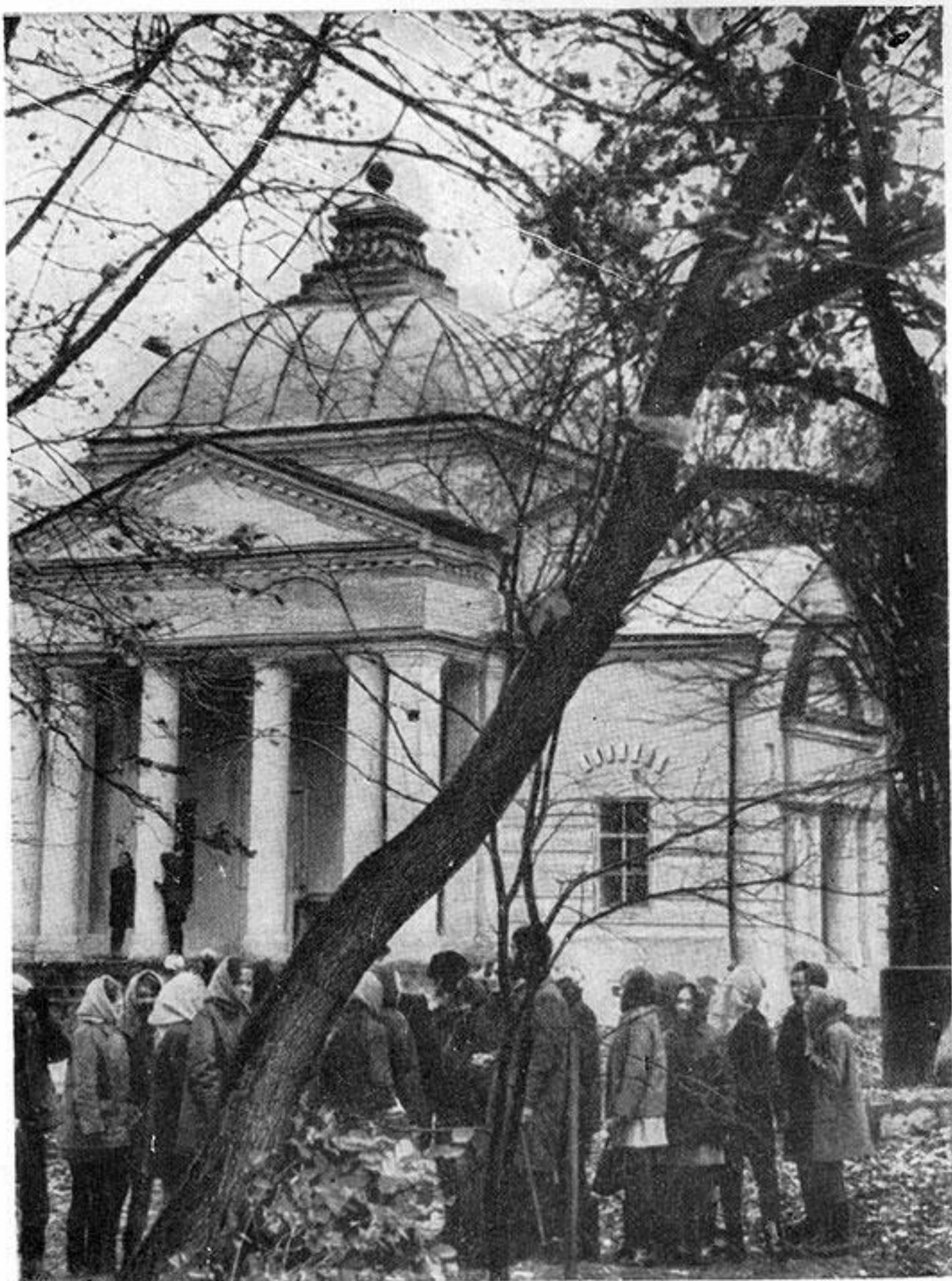
Н. С. Мордвинов.
(Литография Г. Гиппиуса.)

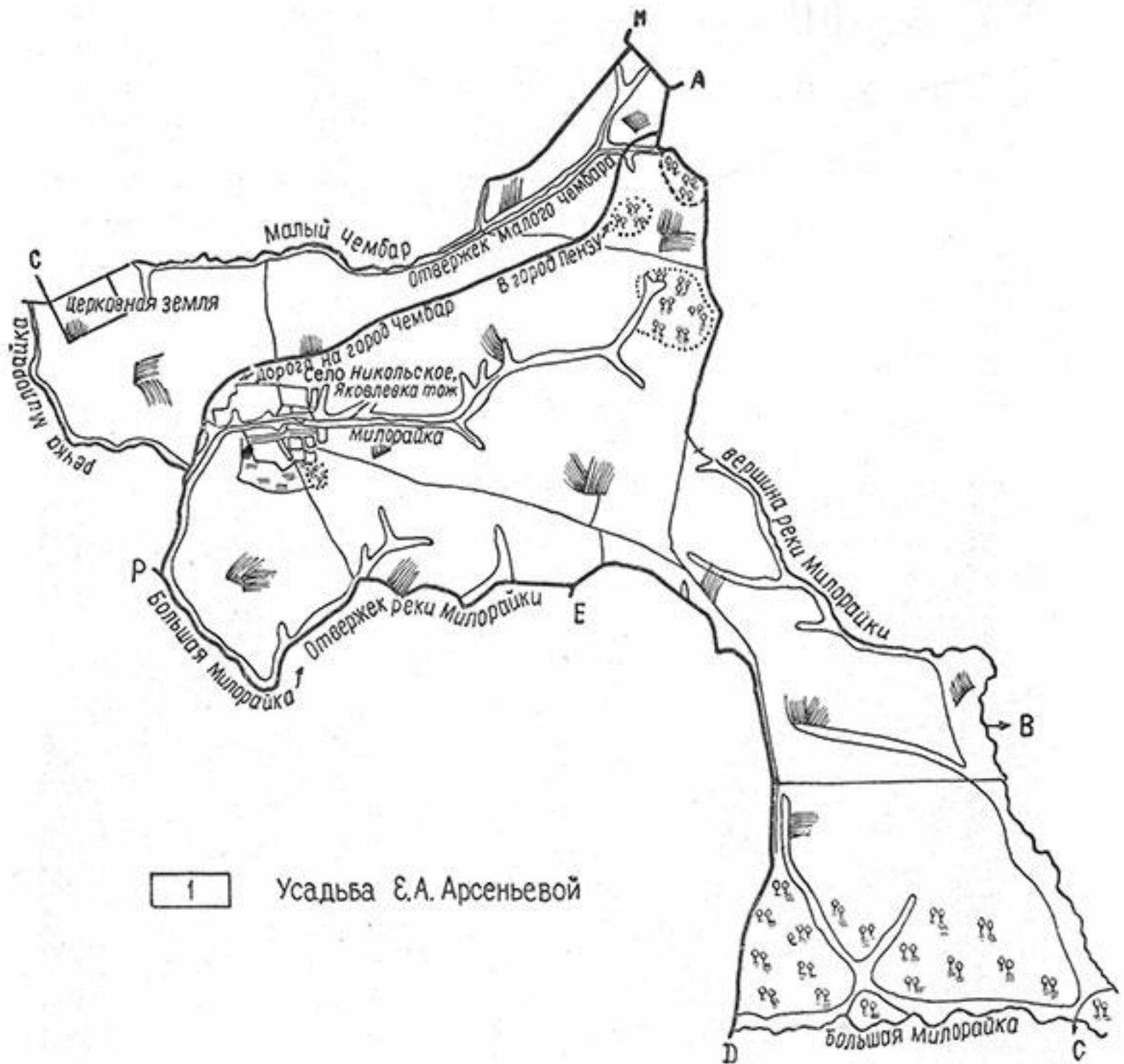
Зал. Уголок экспозиции.

М. Ю. Лермонтов. (?) Миниатюра неизвестного художника XIX в.
(Публикуется впервые.)

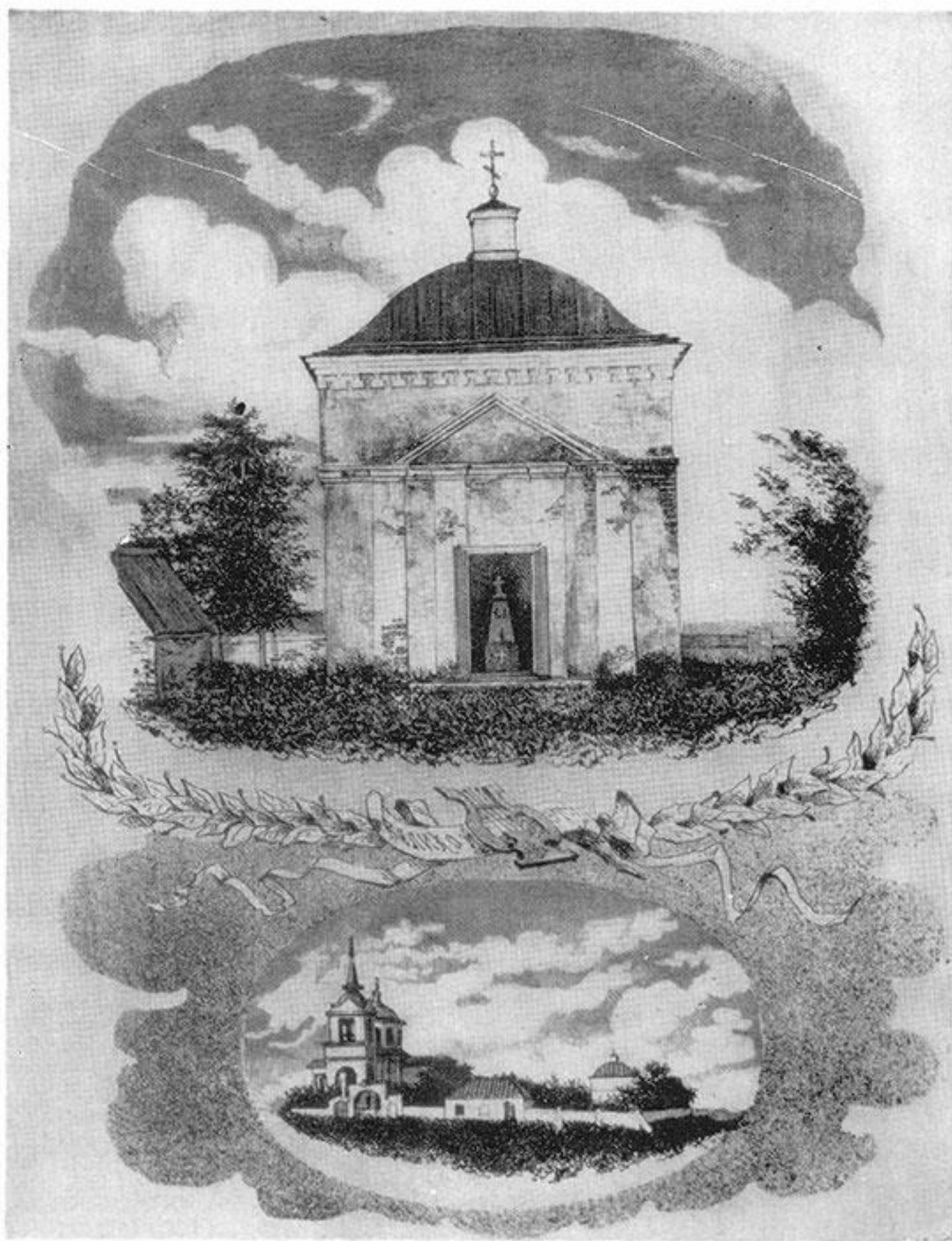
Домовая церковь.

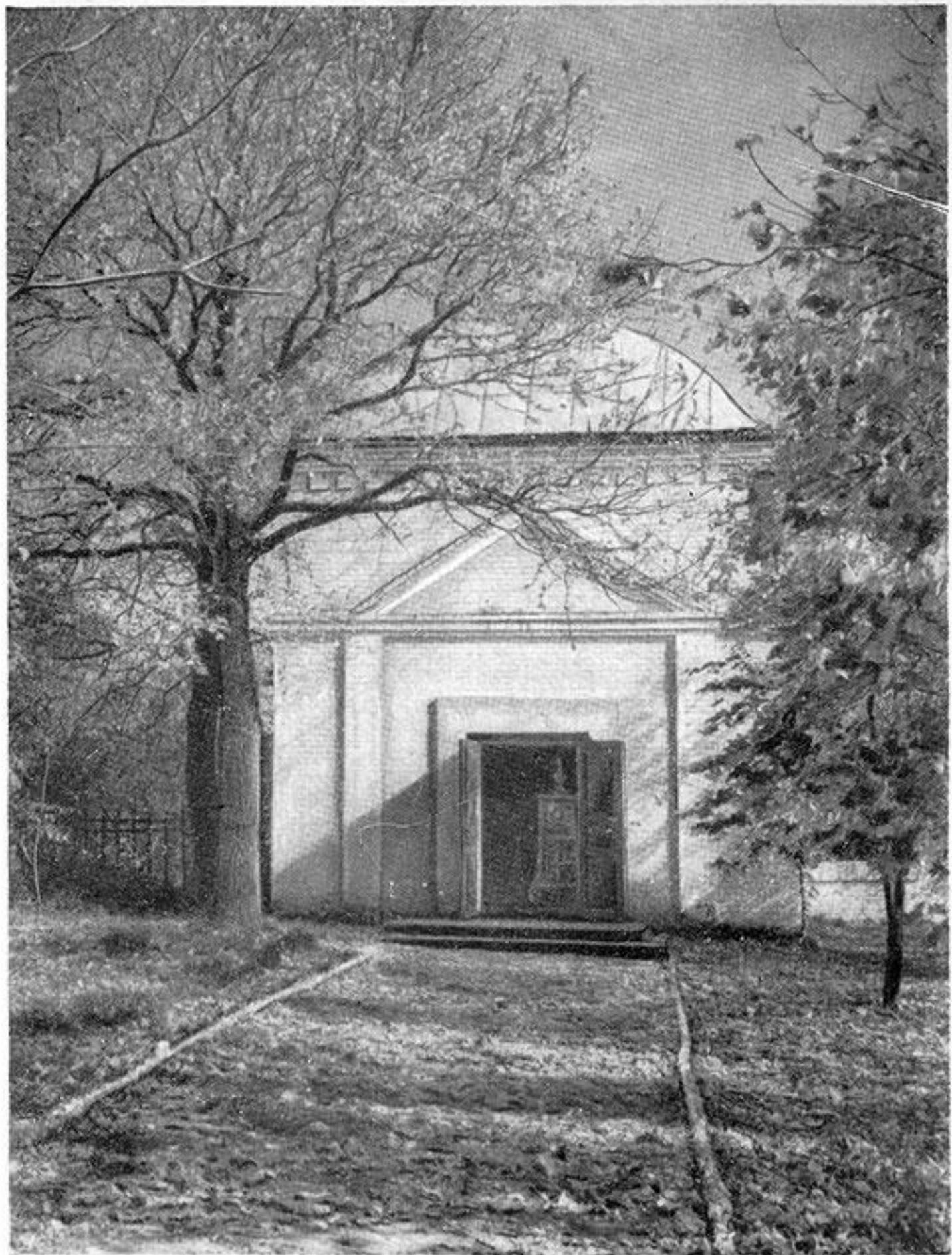
Владения Е. А. Арсеньевой. План межевания 1782 г.

Сельская церковь.

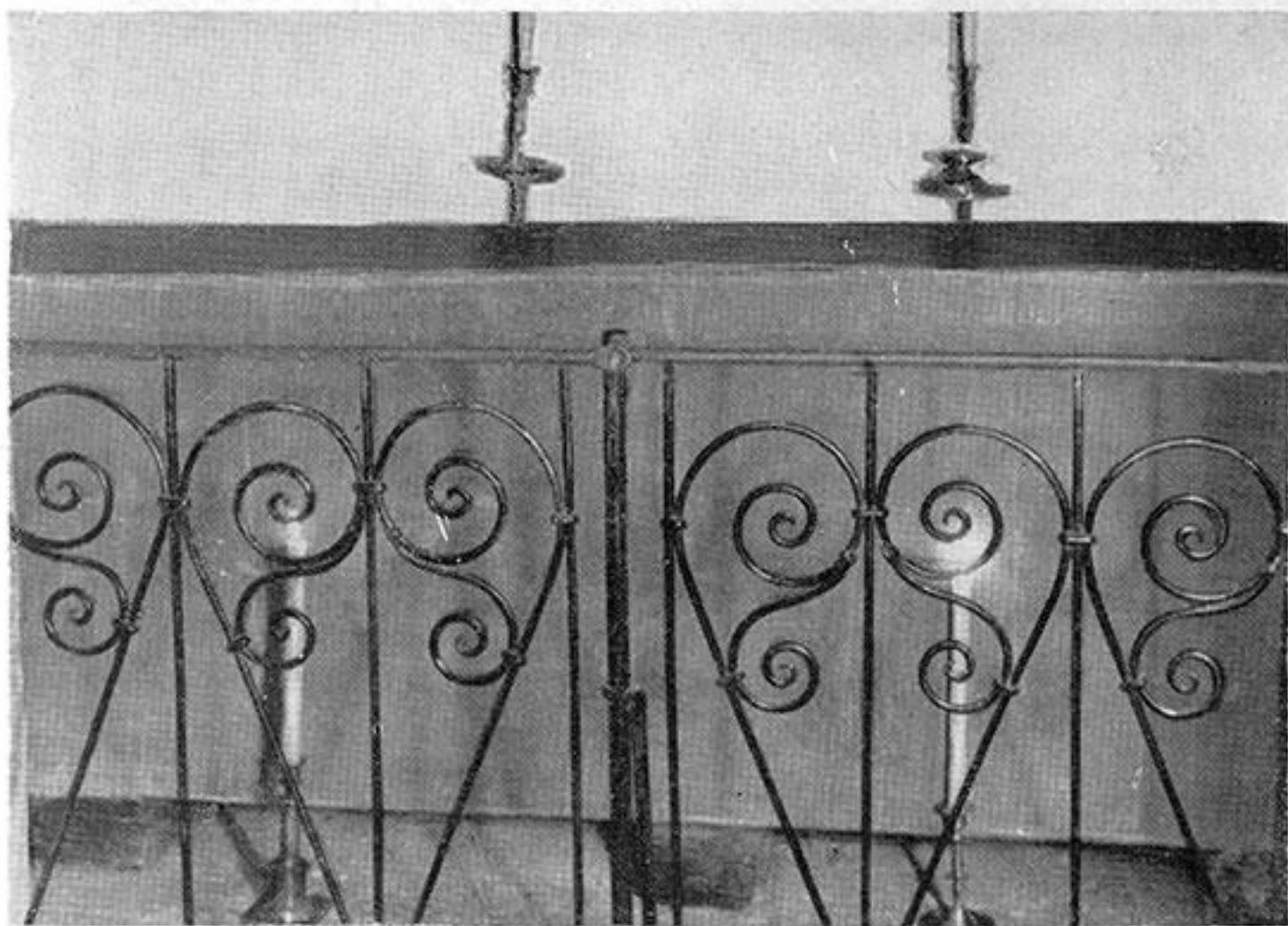
Сельская церковь и часовня на могиле М. Ю. Лермонтова,
1877 г. (Литография.)

Часовня на могиле М. Ю. Лермонтова.

Памятник на могиле М. Ю. Лермонтова.

Гроб с прахом М. Ю. Лермонтова.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Оглавление

Прошлое и настоящее лермонтовских Тархан	5
По старой тарханской усадьбе	17
По залам музея	28
Литературная экспозиция	59
Апалиха	69
У могилы Лермонтова	75

В. Арзамасцев

ТАРХАНЫ
(Очерк-путеводитель)

Редакторы Л. Толмириди, Н. Рыжков

Художник В. Иванов

Художественный редактор В. Бутенко

Технический редактор Л. Андронова

Корректор С. Бухман

Сдано в набор 1/VI 1972 г. Подп. в печ.
16/XI 1972 г. НГ49493. Формат 70×108¹/₃₂.

Бумага мелованная. Уч.-изд. л. 4,11.

Усл.-печ. л. 4,55(3,25). Тираж 100 000.

Цена 41 коп. Заказ 1336.

Приволжское книжное издательство.

Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.